

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Александръ Шкляревскій.
205 513350

ГАУСТОНЪ СТУАРТЪ ЧАМБЕРЛАНЪ

ЯВЛЕНІЕ ХРИСТА

Религія опыта.—Будда и Христосъ.—
Галилеяне.—Религія.—Христосъ — не еврей.—
Отношеніе еврейства къ Христу.—Воля у евреевъ.—
Величіе Христа.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1906

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

Передъ глазами нашими стоитъ яркое, несравненное явление, образъ, переданный намъ по наслѣдству отъ нашихъ отцовъ. Безъ полнаго пониманія этого явления нельзя измѣрить и правильно оцѣнить историческое значеніе христіанства. А между тѣмъ, въ настоящее время, благодаря историческому развитію церковей, образъ Христа скорѣе затемненъ и отодвинутъ вдале, а не раскрытъ передъ нашими взорами. Смотрѣть на этотъ образъ сквозь призму церковнаго ученія, ограниченнаго мѣстомъ и временемъ, — значитъ добровольно надѣть на глаза шоры и ограничиться узкой мѣркой по отношенію къ божественному, вѣчному. Церковные догматы едва касаются образа Христа; они всѣ такъ отвлечены, что не представляютъ никакой опоры ни для ума, ни для чувства; къ нимъ примѣнимы вообще слова св. Августина о Святой Троицѣ: «Говорится однако о трехъ лицахъ не потому, чтобы что-либо высказывалось, а только чтобы не молчать» (*Dictum est tamen tres personae, non ut aliquid diceretur, sed ne taceretur*). Конечно, мы не имѣемъ намѣренія нарушить должное уваженіе, если скажемъ: не въ церквахъ заключается могущество христіанства, а единственно и исключительно въ источникѣ,

откуда сами церкви черпаютъ всю свою силу: въ образѣ распятаго Сына Человѣческаго.

Итакъ, явленіе Христа на землѣ надо отдѣлить отъ всего историческаго христіанства.

И что значать наши девятнадцать вѣковъ для сознательнаго усвоенія подобнаго событія, для переворота, проникающаго во всѣ слои человѣчества и въ корни измѣнившаго существующія міровоззрѣнія? Подумать только, что понадобилось болѣе двухъ тысячелѣтій, чтобы строеніе космоса, математически доказуемое и наглядно изображаемое, стало прочнымъ, всеобщимъ достояніемъ человѣческаго знанія! Но развѣ не легче совладать съ разсудкомъ, вооруженнымъ зрѣніемъ и непогрѣшимой формулой $2 \times 2 = 4$, нежели съ слѣпымъ, омраченнымъ себялюбіемъ сердцемъ? И вотъ рождается Человѣкъ и Своею жизнью производитъ полный переворотъ въ нравственномъ міросозерцаніи: взгляды на нравственное значеніе человѣка, на отношенія личности къ самой себѣ, на отношенія ея къ другимъ и къ окружающей природѣ получили небывалое до тѣхъ поръ освѣщеніе: такъ что всѣ побужденія, всѣ идеалы, мечты и надежды пришлось преобразовать и перестроить на новыхъ началахъ! И думаютъ, что такое огромное дѣло можетъ завершиться въ нѣсколько вѣковъ? Думаютъ, что этого можно было достигнуть всяческими недоразумѣніями, ложью, политическими интригами и вселенскими соборами, приказами безмѣрно-честолюбивыхъ королей и алчныхъ нашь, тремя тысячами томовъ схоластическихъ разсужденій, религіознымъ фанатизмомъ ограниченныхъ крестьянскихъ душъ, благороднымъ рвеніемъ единичныхъ лучшихъ людей, войной, убійствами и кострами, сводами

гражданскихъ законовъ и общественной нетерпимостью? Я съ своей стороны думаю, что это невозможно. Напротивъ, по моему убѣжденію, мы еще далеки, очень далеки отъ того момента, когда возрождающая сила явленія Христа въ полной мѣрѣ довліяетъ на цивилизованное челоѳчество. Еслибъ наши церкви въ ихъ теперешней формѣ погибли, то тогда христіанская идея выступила бы еще ярче. Христіанство находится еще во младенчествѣ, передъ нашими робкими взорами едва брезжитъ его полный расцвѣтъ. Кто знаетъ, не настанетъ ли день, когда кровавую церковную исторію первыхъ 18-ти вѣковъ будутъ разсматривать какъ дѣтопись злыхъ дѣтскихъ недуговъ христіанства? Разсматривая явленіе Христа, не будемъ затемнять нашего сужденія никакими историческими обманами, а тѣмъ болѣе преходящими взглядами нашего вѣка. Будемъ увѣрены, что отъ этого наслѣдія мы до сихъ поръ получили лишь незначительную долю, и если мы хотимъ узнать, какое значеніе оно имѣетъ для всѣхъ насъ—христіанъ и евреевъ, вѣрующихъ и невѣрующихъ, все равно, сознаемъ мы это или не сознаемъ,—то заткнемъ себѣ пока уши, и среди хаоса вѣроисповѣданій не будемъ слушать богохульствъ, позорящихъ челоѳчество: обратимъ взоръ свой вверхъ, на несравненное явленіе всѣхъ временъ.

Въ этой главѣ я не могу избѣгнуть необходимости разсмотрѣть критически многое, составляющее «разсудочную основу» различныхъ религій. Но такъ какъ я оставляю нетронутымъ то, что таю какъ святыню въ своемъ собственномъ сердцѣ, то надѣюсь, что не оскорблю чувствъ всякаго другого разумнаго челоѳка. Историческое явленіе Христа вполне можно отдѣлить отъ прису-

шаго ему сверхъестественнаго значенія, — точно также можно заниматься физикой на чисто материалистическомъ основаніи, не думая притомъ свергать метафизику съ ея трона. О Христѣ, конечно, трудно говорить, не касаясь отъ времени до времени загробной жизни; однако самой вѣры, какъ таковой, все-таки нѣтъ надобности затрогивать, и если я, въ качествѣ историка, разсуждаю логически и убѣдительно, то готовъ принять всѣ тѣ возраженія, какія читатель почерпнетъ не изъ своего разума, а изъ своего сердца. Сознывая это, я буду говорить въ слѣдующей главѣ такъ же чистосердечно, какъ и въ предыдущей.

Религія опыта.

Религіозныя вѣрованія болѣе двухъ третей всѣхъ обитателей земли связаны въ настоящее время съ существованіемъ на землѣ двухъ людей: Христа и Будды, — людей, жившихъ всего нѣсколько вѣковъ тому назадъ и о которыхъ исторически доказано, что они дѣйствительно жили и что преданія, о нихъ повѣствующія — сколько бы они ни содержали вымышленнаго, шаткаго, неяснаго, противорѣчиваго — все-таки точно передаютъ главные черты ихъ исторической жизни. Но даже и безъ этого надежнаго результата научныхъ изслѣдованій нашего вѣка¹⁾, люди прозорливые и здравомыслящіе не сомнѣвались въ дѣйствительномъ существованіи этихъ двухъ

¹⁾ Существованіе Христа отрицалось во II-мъ вѣкѣ нашей эры, а Будда еще 25 лѣтъ тому назадъ считался многими учеными за мнѣшскую личность. См. книги Сенара (Sénart) и Керна (Kern).

великихъ нравственныхъ героевъ: ибо хотя исторически хронологическій матеріалъ о нихъ крайне скуденъ и недостаточенъ, однако ихъ нравственная и духовная индивидуальность такъ лучезарно стоитъ передъ глазами, и эта индивидуальность такъ несравненна, что ея нельзя было выдумать. Даръ вымысла у человѣка тѣсно ограниченъ, творческій духъ можетъ работать только имѣя данныя; Гомеръ принужденъ былъ возвести людей на Олимпъ, ибо то, что онъ видѣлъ и переживалъ въ дѣйствительности, ставило предѣлы его творческой фантазіи; если онъ изображаетъ своихъ боговъ въ вполнѣ человѣческихъ образахъ, если онъ не позволяетъ своей фантазіи блуждать въ невѣроятномъ, недоступномъ воображенію (ибо никогда невиданномъ), если онъ, напротивъ, сдерживаетъ эту фантазію, чтобы употребить ея силу цѣликомъ для изображенія наглядныхъ образовъ, то это только доказываетъ его духовное превосходство. Мы не въ состояніи выдумать новую форму даже растенія или животнаго; при подобныхъ попыткахъ намъ развѣ удастся выдумать какого-нибудь уродца изъ составныхъ частей всевозможныхъ уже извѣстныхъ созданій. Напротивъ того, неистощимо изобрѣтательная природа постоянно показываетъ намъ все новое и новое, когда ей вздумается; и это новое потомъ становится въ нашемъ сознаніи такъ же неискоренимо, какъ прежде было неизобрѣтаемо. Будда, а тѣмъ болѣе Иисуса Христа не могла выдумать никакая творческая человѣческая сила, — ни единичной личности, ни цѣлаго народа: нигдѣ мы не находимъ тому малѣйшаго указанія. Никакой поэтъ, никакой философъ, никакой пророкъ не могъ и во снѣ измыслить подобнаго феномена. Правда, часто упоминають о Платонѣ въ связи

съ Иисусомъ Христомъ; имѣются цѣлыя книги, трактующія о мнимомъ соотвѣтствіи между тѣмъ и другимъ, говорятъ, будто греческій философъ былъ провозвѣстникомъ новаго ученія о спасеніи. Неужели же господа ученые считаютъ насъ за дураковъ? Развѣ эллинскій рационализмъ не становится тѣмъ суще, чѣмъ выше онъ возносится? Вѣдь люди были болѣе всего далеки отъ всякой религіи, отъ всякой возможности дѣйствовать на жизнь облагораживающимъ образомъ именно въ тотъ моментъ, когда лучшіе представители даровитѣйшаго народа спорили между собой насчетъ необходимыхъ свойствъ души (автономная, родственная съ божествомъ и т. д.), когда они выставляли людямъ какъ идеаль «идею о добрѣ», тождественную съ «идеей о прекрасномъ» и тому подобные вздоры, — плоды ума, сбитаго съ толку по той причинѣ, что онъ стремился къ невозможному? Вѣдь каждому ясно, что Платонъ достигаетъ наибольшей высоты тамъ, гдѣ онъ касается жизни, въ своемъ «Федрѣ», своемъ «Пирѣ», своемъ «Федонѣ»? А Сократъ! Остроумный изобрѣтатель грамматики и логики, честный проповѣдникъ филистерской морали, благородный болтунъ аѳинскихъ гимназій, — развѣ онъ не представляетъ во всемъ контрастъ съ божественнымъ Проповѣдникомъ царствія Божія, принадлежащаго «нищимъ духомъ»? Въ Индіи такъ же мало предчувствовали явленіе Будды, тамъ тоже его образъ не былъ вызванъ, какъ по волшебству, одною силою желанія. Всѣ подобныя предположенія принадлежатъ къ обширной области пустыхъ исторически-философскихъ уместованій. Еслибъ Христосъ и христіанство являлись исторической необходимостью, какъ утверждаетъ неосхоластъ Гегель, то мы увидѣли бы появленіе не одного Христа, а

цѣлой тысячи; хотѣлось бы мнѣ знать, въ какомъ столѣтїи явленіе Христа не было бы столь же необходимымъ, какъ хлѣбъ насущный? О Христѣ пишетъ Шлегель (Philosophie der Geschichte, Th. III. A 3. глава 2): «Онъ родился какъ человѣкъ, въ отвлеченной субъективности, но такъ, что бренность есть лишь форма Его явленія, а сущность и содержаніе составляютъ скорѣе безконечность, абсолютное бытіе въ себѣ. Природа Божія быть чистымъ духомъ раскрывается человѣку въ христіанской религіи. Что же такое духъ? Это то единое, равное самому себѣ безконечное, чистая тождественность, которая вторично отдѣляетъ себя отъ себя, какъ повтореніе самого себя, какъ бытіе для себя и въ себѣ противъ общаго. Это отдѣленіе уничтожается однако тѣмъ, что атомистическая субъективность, какъ простое отношеніе къ себѣ, есть это самое общее, съ самимъ собою тождественное». Что скажутъ грядущіе вѣка на такое пустословіе? Двѣ трети нашего вѣка считали однако эту абракадабру высшей мудростью. Итакъ оставимъ въ сторонѣ такія соображенія, страдающія безсиліемъ мысли, — они способны только затемнить и изгладить единственное рѣшающее и продуктивное — значеніе живой, индивидуальной, несравненной личности. Кстати вспоминается великое слово Гёте:

Высшее счастье дѣтей земли
 Есть только—личность!
 (Höchstes Glück der Erdenkinder
 Ist nur die Persönlichkeit).

Правда, среда, окружающая личность, знакомство съ мѣстомъ и временемъ ея существованія даетъ цѣнныя

данныя для яснаго пониманія этой личности; путемъ такого изслѣдованія мы научаемся различать важное отъ неважнаго, характерно индивидуальное отъ мѣстно-условнаго; то есть это поможетъ намъ еще яснѣе понимать личность. Объяснить же ее, пытаться доказать ее, какъ логическую необходимость—это праздная, глупая затѣя; каждый образъ, даже образъ какого-нибудь жука—есть «диво» для человѣческаго разсудка, человѣческая же личность—есть высочайшая тайна бытія (*mysterium magnum*), и чѣмъ болѣе критика очищаетъ великую личность отъ всякихъ примѣсей и легендъ, чѣмъ больше ей удастся доказать, что каждый изъ ея поступковъ, такъ сказать, вытекаетъ изъ природы вещей, тѣмъ еще необъяснимѣе становится чудо. Вотъ каковъ результатъ критики, занимавшей въ нашемъ столѣтіи жизнь Иисуса. Нашъ вѣкъ принято называть нерелигіознымъ; однако никогда еще (послѣ первыхъ вѣковъ христіанства) интересъ людской не сосредоточивался такъ страстно на личности Иисуса Христа, какъ за послѣднія семьдесятъ лѣтъ; сочиненія Дарвина—при всей ихъ широкой распространенности, распродавались въ десять разъ медленнѣе, чѣмъ произведенія Штрауса и Ренана. И окончательнымъ результатомъ было то, что дѣйствительная земная жизнь Иисуса Христа приобрѣтала все болѣе и болѣе конкретный образъ и сознавалось все яснѣе и яснѣе, что самое возникновеніе христіанской религіи въ концѣ концовъ слѣдуетъ отнести къ безиримѣрному впечатлѣнію, произведенному этой личностью на окружающую среду и внѣдрившемуся въ ней. И теперь определеннѣе, чѣмъ когда-либо, и поэтому неопостижимѣе, чѣмъ когда-либо, стоитъ передъ нами это грандіозное явленіе.

13. С.

В.

Вотъ что мнѣ хотѣлось установить прежде всего. Все направленіе нашего времени таково, что мы способны воспламеняться только конкретнымъ, живымъ. Въ началѣ столѣтія было иначе; романтизмъ бросалъ тѣнь во всѣ стороны, поэтому и вошло въ моду все и вся объяснять въ миѣическомъ смыслѣ. Въ 1835 году Давидъ Штраусъ послѣдовалъ примѣру, который видѣлъ вокругъ себя, и предложилъ въ качествѣ «ключа» (!) къ Евангеліямъ понятіе о миѣѣ¹⁾! Нынѣ всякій пойметъ, что этотъ мнимый ключъ ничто иное, какъ новое туман-

¹⁾ См. Первое изд. I, 72 (Народное изданіе «Жизни Иисуса», 9, 191). Что Штраусъ не имѣлъ понятія о томъ, что такое миѣѣ, что означаетъ миѣологія, какъ это видно изъ его обращенія съ народными миѣями, поэзіей и легендами, сваленными въ одну кучу,—это опять-таки другой вопросъ. Въ позднѣйшія времена даже не поймутъ, какъ могъ имѣть успѣхъ такой пустой, хотя и ученый, но лишенный всякаго творческаго духа продуктъ—каковы были произведенія Штрауса. Какъ пчелы и муравьи нуждаются въ цѣлыхъ когортахъ безполыхъ работниковъ въ своихъ государствахъ, такъ, повидимому, и мы, люди, тоже не могли обойтись безъ трудолюбія и кратковременнаго далеко хватающаго вліянія подобныхъ умовъ, отжѣченныхъ печатью безплодія (подобныхъ тѣмъ, которые такъ пышно расцвѣтали въ половинѣ нашего столѣтія). Съ одной стороны, подъ вліяніемъ историко-критическихъ изслѣдованій, а съ другой стороны подъ вліяніемъ усиливающейся склонности обращать главное вниманіе не на богословское и второстепенное, а на живое и рѣшающее, чувствуется, что миѣологическая точка зрѣнія Штрауса—нѣчто мертворожденное, такъ что сочиненія этого честнаго человѣка наводятъ зѣвоту. И несмотря на то, недѣзя не признать, что такіе люди, какъ онъ и Ренанъ, совершили великое дѣло, привлекая вниманіе тысячей на великое чудо явленія Христа, и тѣмъ подготовили аудиторію для болѣе солидныхъ мыслителей и прозорливыхъ ученыхъ.

ЯВЛЕНІЕ ХРИСТА.

2

ное перефразированіе проблемы, всетаки остающейся неразрѣшенной, и что не какое-нибудь «понятіе», а единственно Существо, дѣйствительно жившее на землѣ, исключительное, ни съ чѣмъ несравнимое обаяніе Его личности, какого еще никогда не испытывалъ свѣтъ, даетъ ключъ къ нарожденію христіанства. Чѣмъ больше обнаруживалось балласта съ одной стороны—въ видѣ псевдо-миѳическаго (вѣрнѣе сказать псевдо-историческаго) легендарнаго матеріала, съ другой стороны—въ формѣ философско-догматическихъ умозрѣній, тѣмъ больше жизненной силы должно было признать за первоначальной движущей и созидающей причиной. Новѣйшая строго философская критика доказала несомнѣнную глубокую древность Евангелій и подлинность рукописей, которыми мы располагаемъ; удалось прослѣдить именно первыя времена христіанства строго исторически, почти шагъ за шагомъ; но все это съ точки зрѣнія обще-человѣческой гораздо менѣе важно, чѣмъ тотъ фактъ, что, благодаря этимъ результатамъ, образъ Богочеловѣка выдвинуть на передній планъ, такъ что и вѣрующій и невѣрующій уже не могутъ не признать Его центральный пунктомъ и источникомъ христіанства въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

Будда и Христосъ.

Я уже раньше сопоставлялъ Будду и Христа. За послѣднія тысячелѣтія ядро религиозныхъ представленій у всѣхъ наиболѣе одаренныхъ человѣческихъ расъ (за единственнымъ исключеніемъ небольшой еврейской семьи съ одной стороны и ихъ антиподовъ—браманскихъ

индійцевъ—съ другой) зиждется не на потребности объясненія вселенной, не на мифологической символикѣ природы или на мечтательномъ трансцендентизмѣ, а исключительно на опытѣ великихъ характеровъ. Правда, среди насъ еще носится химера «религіи разума»; за послѣдніе годы зашла даже рѣчь о «замѣнѣ религіи чѣмъ-то вышшимъ», и новоиспеченные «цоклонники Водана» во время солнцеворота приносили жертвы на вершинахъ горъ въ извѣстной мѣстности Германіи; но ни одно изъ этихъ движеній до сихъ поръ не обладало ни малѣйшей частичкой силы, способной перевернуть міръ. Идея бессмертны; я уже не разъ повторялъ это и скажу еще; а у такихъ личностей, какъ Будда и Христосъ, идея—именно извѣстное представленіе о человѣческомъ бытіи—достигаетъ такого живого воплощенія, идея эта переживается такъ полно, такъ ясно выступаетъ передъ глазами всѣхъ и каждаго, что она никогда уже не можетъ исчезнуть изъ человѣческаго сознанія. Иной, пожалуй, никогда не видѣлъ Распятаго, иной, можетъ быть, пройдетъ мимо этого явленія, у тысячъ людей, даже изъ числа насъ, недостаетъ того, что можно бы назвать внутреннимъ чутьемъ, чтобы замѣтить это явленіе; но если кто хоть разъ узрѣлъ Иисуса, хотя бы сквозь густое покрывало, тому уже нельзя забыть Его: не въ нашей власти изглаживать пережитое изъ нашего сознанія. Человѣкъ—христіанинъ не потому, что онъ воспитанъ въ той или другой церкви, и не потому, что онъ хочетъ быть христіаниномъ, но онъ христіанинъ потому, что долженъ быть имъ; ни суета мірская, ни бредъ себялюбія, никакія умствованія не смогутъ изгладить изъ его души разъ видѣнный образъ Страстотерща. Христосъ наканунѣ

Своей смерти на вопросъ учениковъ Его о значеніи Его поступковъ отвѣчалъ имъ: «Я далъ вамъ примѣръ». Вотъ значеніе не только того или другого изъ его поступковъ, но и всей Его жизни и Его смерти. Даже такой строгій церковникъ, какъ Лютеръ, пишетъ: «Примѣръ Господа нашего Иисуса Христа — въ то же время таинство: онъ силенъ въ насъ и не только дѣйствуетъ, какъ дѣйствуютъ на насъ примѣры отцовъ, но и поучаетъ, даетъ жизнь, воскресеніе и избавленіе отъ смерти».

Міровое могущество Будды основано на подобномъ же началѣ. Истинный источникъ всякой религіи есть, повторяю, у большинства людей нынѣ живущихъ не ученіе, а жизненный примѣръ. Въ силахъ ли мы по своей немощи слѣдовать примѣру, — это другой вопросъ. Но идеаль сияетъ передъ нами ясный, несомнѣнный и уже цѣлые вѣка дѣйствуетъ съ несравненной силой на помышленія и поступки людей, даже и невѣрующихъ.

Но объ этомъ я скажу въ другомъ мѣстѣ. Если я коснулся Будды именно теперь, когда меня занимаетъ единственно вопросъ о явленіи Христа, то сдѣлалъ это въ особенности потому, что, благодаря сравненіямъ, данный образъ выступаетъ еще ярче. Но сравненіе должно быть подходящее, и кромѣ Будды я не знаю во всемірной исторіи другого лица, которое можно бы приравнять къ Христу. Обоймъ свойственно божественное величіе, оба воодушевлены желаніемъ указать человѣчеству путь къ спасенію, оба представляютъ собой личности неслыханной мощи. И все-таки, если поставить эти двѣ фигуры рядомъ, то нельзя провести между ними параллели, а можно только подчеркнуть контрастъ между ними: Христосъ и Будда — двѣ противоположности. Сближаетъ

съ одна общая черта—возвыщенный духъ; изъ него протекала жизнь, не имѣющая равной, а изъ жизни громадное захватывающее вліяніе, какого еще не видывали свѣтъ. Въ остальномъ же ихъ раздѣляетъ почти все, и нео-буддизмъ, который за послѣдніе годы распространяется въ нѣкоторыхъ слояхъ европейскаго общества якобы въ тѣснѣйшемъ единеніи съ христіанствомъ и переступая даже за его предѣлы, есть лишь новое доказательство широко распространяемой поверхностности общественной мысли. Жизнь и ученіе Будды представляютъ однако полный контрастъ съ ученіемъ и жизнью Христа, то, что диалектикъ называетъ антитезой, а физикъ—противоположнымъ полюсомъ.

Б у д д а.

Будда—это историческій исходъ культуры, достигшей предѣловъ своего знанія. Высоко образованный, могущественный властелинъ сознаетъ ничтожество своего образованія и своей власти. Онъ обладаетъ тѣмъ, что всѣ считаютъ высшимъ благомъ, но въ глазахъ праведнаго все это достояніе таетъ и обращается въ ничто. Индійская культура, возникшая изъ мечтательной созерцательности пастушеской жизни, со всей энергіей своего дарованія ударилась въ развитіе односторонней человѣческой склонности комбинирующаго разума; притомъ всякая связь съ окружающимъ міромъ—наивная наблюдательность, практически-дѣловой утилитаризмъ—почти совершенно исчезли, по крайней мѣрѣ у образованныхъ людей; все было систематически основано на развитіи мыслительной способности. Каждый образованный юноша знаетъ

на память слово въ слово цѣлую литературу такого тонкаго мыслительнаго содержанія, что въ настоящее время немногіе европейцы въ состояніи вмѣстить его; самый отвлеченный способъ представленія конкретнаго міра, геометрія, быль для индійцевъ исполнѣ осязателенъ, зато они цогрузились въ головоловную ариметику, выходящую за предѣлы всякой представляемости; тотъ, кто серьезно задавался вопросомъ о цѣли своей жизни, тотъ, кому дано было отъ природы стремиться къ высшей цѣли, — тотъ находилъ съ одной стороны религіозную систему, въ которой символика выросла до чудовищныхъ размѣровъ, такъ что требовалось 30 лѣтъ, чтобы въ ней разобраться, а съ другой стороны — философію, ведущую на такія головокружительныя высоты, что кто хотѣлъ взобратъся на послѣднія ступени этой небесной лѣстницы, тотъ долженъ былъ на вѣки удалиться отъ свѣта въ глушь безмолвныхъ дѣвственныхъ лѣсовъ. Здѣсь, очевидно, уже не имѣли никакихъ правъ ни глаза, ни сердце. Какъ знойный вѣтеръ пустыни, пронесся духъ отвлеченности надъ всѣми другими склонностями богатой человѣческой натуры, все иссушая, все опаляя. Чувства, конечно, еще оставались, — тропически-горячія похоти; съ другой стороны — отрицаніе всего міра чувствъ, а въ промежуткѣ ничего, никакого компромиса — открытая война, война между человѣческимъ знаніемъ и человѣческой природой, между мышленіемъ и бытіемъ. И вотъ Будда долженъ былъ возненавидѣть то, что любилъ: дѣтей, родителей, жену, все прекрасное и радостное въ жизни. То были покровы, заволакивающіе знаніе, пути, привязывавшія его къ суетной лживой жизни. И зачѣмъ ему вся эта браминская премудрость? Жертвенныя церемо-

ни, никому не понятны, исключительно символическія, которыя сами жрецы признавали не имѣющими значенія для человѣка знанія, вдобавокъ «искупленіе путемъ познанія», доступное развѣ одному изъ ста тысячъ? Такъ Будда отринувъ отъ себя не только свое царство и свое знаніе, но вырвалъ изъ своего сердца все, что еще связывало его какъ человѣка въ людскомъ обществѣ — любовь, надежду, разрушилъ въ то же время и вѣру отцовъ своихъ въ божественность мірозданія и отвергъ, какъ праздную химеру, даже ту высшую идею индійской метафизики, — идею о единомъ Богѣ, непереченномъ, внѣ пространства и времени, слѣдовательно, недоступномъ разуму и только чувствуемомъ имъ. Ничего нѣтъ въ жизни (таковъ былъ опытъ, вынесенный Буддой, и слѣдовательно и его ученіе), ничего нѣтъ въ жизни кромѣ «страданія»; единственное, къ чему стоитъ стремиться, — это избавленіе отъ страданія; избавленіе это и есть смерть, погруженіе въ небытіе. Но каждый индеецъ вѣрилъ, какъ въ нѣчто очевидное и даже не подлежащее сомнѣнію, — въ переселеніе душъ, то есть въ непрекращающееся возрожденіе однихъ и тѣхъ же индивидуумовъ. Итакъ, «спасеніе» даруетъ не обыкновенная смерть, а только та смерть, за которой не слѣдуетъ возрожденія: и эта спасительная смерть можетъ быть достигнута единственно тогда, если человѣкъ умираетъ уже при жизни, по частямъ, т. е. если онъ отрѣзаетъ отъ себя и уничтожаетъ все, что привязываетъ его къ жизни — любовь, надежду, желанія, собственность, словомъ, какъ мы бы выразились въ наше время вмѣстѣ съ Шопенгауэромъ, если онъ отрицаетъ волю къ жизни. Когда человѣкъ живетъ такой жизнью, когда онъ превращаетъ

себя въ блуждающій трупъ, еще раньше, чѣмъ умереть — тогда жнець-смерть не получаетъ готовыхъ сѣмянъ для возрожденія. Умереть живымъ — вотъ эссенція буддизма. Жизнь Будды можно назвать живымъ самоистребленіемъ. Это самоубійство въ его высшемъ выраженіи. Будда живетъ единственно и исключительно для того, чтобы умереть, чтобы окончательно и безвозвратно истребить себя, погрузиться въ нирвану, въ ничто.

Христосъ.

Какая рѣзкая противоположность съ образомъ Христа, смерть Котораго означаетъ вступленіе въ жизнь вѣчную? Во всемъ мірѣ Христосъ видитъ дѣйствіе божественнаго Промысла: ни единая малая птица не упадетъ на землю, ни одинъ волосъ не упадетъ съ головы человѣка безъ воли Отца Небеснаго. Христосъ далекъ отъ того, чтобы считать ненавистной эту земную жизнь, переживаемую по волѣ Божіей и подъ Его всевидящимъ окомъ. Онъ почитаетъ ее какъ путь къ вѣчности, какъ закія ворота, черезъ которыя мы вступаемъ въ царствіе небесное. А что такое это царствіе небесное? Нирвана? Воображаемый рай? Купленная награда за дѣла, содѣянные на землѣ? Отвѣтъ на это даетъ Христосъ въ одномъ словѣ, которое несомнѣнно сохранено для насъ въ подлинномъ видѣ, такъ какъ оно раньше никѣмъ не было произнесено и очевидно не было понято никѣмъ изъ его учениковъ, а тѣмъ менѣе выдуманно, — это слово на такихъ могучихъ крыльяхъ опередило медленное развитіе человѣческаго знанія, что смыслъ его до сихъ поръ еще понятенъ не всѣмъ — я уже говорилъ выше, что наше хри-

стванство еще въ младенствѣ — итакъ Христось сказалъ: «Не придетъ царствіе Божіе примѣтнымъ образомъ, и не скажутъ: вотъ, оно здѣсь, или: вотъ, тамъ. Ибо вотъ, царствіе Божіе внутри васъ есть».

Это то, что самъ Христось называетъ «тайной»; ее нельзя объять словами, ее нельзя доказать умозрительно; далѣе Спаситель старается пояснить Своимъ слушателямъ великое дѣло спасенія при помощи притчъ: «царствіе Божіе подобно зерну горчичному, которое человекъ взялъ и посѣялъ на полѣ своемъ, которое, хотя меньше всѣхъ сѣмянъ, но, когда выростетъ, бываетъ больше всѣхъ злаковъ и становится деревомъ, такъ что прилетаютъ птицы небесныя и укрываются въ вѣтвяхъ его»; «царство небесное подобно закваскѣ, которую женщина, взявши, положила въ три мѣры муки». Но всего яснѣе такой образъ: «Еще подобно царствіе небесное сокровищу, скрытому на полѣ». Что поле означаетъ міръ, — это ясно изъ словъ Христа (см. Матѳея, XIII, 38); въ мірѣ, то есть въ этой жизни, лежитъ сокровище скрытое; царствіе Божіе внутри насъ! Это и есть тайна царствія Божія, какъ говоритъ Христось; въ то же время это есть тайна Его собственной жизни, тайна Его личности. Отрешенія отъ жизни (какъ у Будды) Христось отнюдь не проповѣдуетъ, а проповѣдуетъ измѣненіе направленія жизни, если смѣю такъ выразиться; вѣдь Христось говоритъ Своимъ ученикамъ: «Истинно говорю вамъ, если вы не обратитесь, вы не войдете въ царствіе небесное». Позднѣе это столь наглядное, осязаемое обращеніе получило — быть можетъ, отъ чужой руки — болѣе мистическое выраженіе: «Если кто не родится вновь, тотъ не увидитъ царствія Божія». Но дѣло не въ словахъ, а единственно въ пред-

ставленіи, лежащемъ въ основѣ, а это представле-
ніе лучезарно предстоить у насъ передъ глазами, ибо оно
заключаетъ въ себѣ всю жизнь Христа. Здѣсь мы не на-
ходимъ (какъ у Будды) ученіе, математически, какъ
 $2 \times 2 = 4$, и логически развитое одно изъ другого; не
находимъ также, какъ часто утверждали поверхностные
люди, какого-либо органическаго соприкосновенія съ
еврейской мудростью: стоитъ лишь прочесть Иисуса сына
Сирахова, котораго чаще всего привлекаютъ для сравне-
нія, и задаться вопросомъ: развѣ этотъ духъ тотъ же са-
мый? У Сираха, этого еврейскаго Марка Аврелія, даже
самыя прекрасныя изреченія, напр.: «Стремись къ правдѣ
до самой смерти, и Богъ защититъ тебя», или: «Въ устахъ
глуныхъ сердце ихъ, уста же мудрыхъ — въ сердцѣхъ
ихъ», — звучатъ точно изъ другого міра, если сравни-
вать ихъ съ словами Христа: «Блаженны кроткіе, ибо они
наслѣдуютъ землю; блаженны чистые сердцемъ, ибо они
Бога узрятъ. Возьмите иго Мое на себя, и научитесь отъ
Меня; ибо я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и найдете по-
кой душамъ вашимъ. Ибо иго Мое благо и бремя Мое
легко».

Такъ никто еще не говорилъ раньше; никто не гово-
рилъ и послѣ. Эти слова Христа вовсе не имѣютъ,
какъ видите, характера поученія, но подобно тому,
какъ звукъ голоса дополняетъ то, что мы знаемъ изъ
чертъ лица, изъ поступковъ человѣка, прибавляя что-то
неуловимое, непередаваемое, самую суть его личности,
такъ и тутъ намъ кажется, что въ этихъ словахъ Хри-
ста мы слышимъ Его голосъ; что Онъ сказалъ въ точно-
сти мы не знаемъ, но какой-то несомнѣнный, незабвен-
ный звукъ поражаетъ наше ухо и оттуда проникаетъ въ

сердце. И вотъ, открывъ глаза, мы видимъ этотъ образъ, эту жизнь! Черезъ пространство вѣковъ мы слышимъ слова: «Научитесь отъ Меня», и понимаемъ теперь, что это должно означать: быть такимъ, какимъ былъ Христосъ, жить, какъ жилъ Христосъ, умереть, какъ умеръ Христосъ—вотъ царство небесное, вотъ жизнь вѣчная.

Въ наше время, когда понятие о пессимизмѣ и отрицаніе воли стали ходячими, ихъ часто примѣняли къ Христу; но они подходятъ только къ Буддѣ, и для нѣкоторыхъ явленій христіанскихъ церквей и ихъ догматовъ жизнь Христа есть отрицаніе ихъ самихъ. Если царство Божіе внутри насъ, если небо, какъ скрытое сокровище, лежитъ зарытое въ этой жизни, то при чемъ тутъ пессимизмъ? Какъ можетъ человекъ быть существомъ жалкимъ, родившимся только для горя, если въ груди его скрыто божество? Какъ можетъ свѣтъ быть наихудшимъ, какой только возможенъ (см. Шопенгауэра «Миръ, какъ воля и представленіе»), если въ немъ заключается небо? Для Христа все это были ложные выводы; Онъ восклицалъ: «Горе вамъ, книжники, что затворяете царство небесное человѣкамъ; ибо сами не входите и хотящихъ войти не допускаете!» И славилъ Бога за то, что Онъ открылъ младенцамъ то, что утаили отъ мудрыхъ и разумныхъ. Христосъ, по выраженію одного изъ великихъ людей нашего вѣка, былъ не мудрецомъ, а Богомъ; это огромная разница, и потому именно, что Онъ былъ божественнымъ, Христосъ не отвращался отъ жизни, а, противъ, обращался къ ней. Это краснорѣчиво подтверждается впечатлѣніемъ, произведеннымъ Христомъ на все окружающее; Его называютъ древомъ жизни, хлѣбомъ жизни, водой живою, свѣтомъ жизни, свѣтомъ міра,

свѣтомъ, свыше ниспосланнымъ, какъ свѣтильникъ, тѣмъ, кто пребываетъ во тьмѣ и мракѣ смерти; для нихъ Христосъ есть камень краеугольный, почва, на которой мы должны построить жизнь свою, и т. д. Все это положительно, позитивно, утвердительно. Воскрешалъ ли Христосъ мертвыхъ—пусть въ этомъ сомнѣваются тѣ, кому угодно; тѣмъ выше скептикъ долженъ оцѣнить то жизнетворное впечатлѣніе, которое исходило изъ этого образа, ибо куда бы Христосъ ни пошелъ, всюду казалось, что видишь мертвыхъ воскресшими, больныхъ исцѣленными и подымающимися со своихъ одровъ. Всюду отыскивалъ Онъ страждущихъ, бѣдныхъ, обремененныхъ горемъ и восклицалъ имъ: «Не плачьте!», утѣшалъ ихъ и дарилъ имъ слова жизни.

Идеалъ монашеской жизни, изъ Средней Азіи, гдѣ онъ хотя и не основалъ буддизма, однако далъ ему могущественную поддержку, проникъ въ непосредственную близость Галилеянина; однако, гдѣ же видано, чтобы Христосъ проповѣдывалъ ученія монастырскія, враждебныя міру? Многіе основатели религій налагали на себя и учениковъ своихъ бичеваніе плоти въ отношеніи пищи; Христосъ же—нѣтъ; Онъ, напротивъ, особенно подчеркиваетъ, что онъ не постился какъ Іоаннъ, а жилъ такъ, что о немъ люди говорили: «Вотъ человѣкъ, который любитъ поѣсть и пить вино». Всѣ другія вырженія изъ Библии, сдѣлавшіяся ходячими: помыслы людскіе—суетны; жизнь человѣческая—суета суетъ: она проходитъ какъ тѣнь; всѣ поступки людскіе тщеславны и т. д.—все это заимствовано изъ Ветхаго Завета, а не изъ Новаго. Да, такія изреченія, какъ слова Соломоновы: «Одно поколѣніе проходитъ, другое при-

ходить, земля же остается вѣчной», исходятъ изъ міросозерцанія, прямо противорѣчащаго міросозерцанію Христа. Онъ говоритъ, напротивъ, что небо и земля переходящи, тогда какъ только въ груди людской сокрыто единое вѣчное. Правда, Христосъ даетъ намъ примѣръ безусловнаго отвращенія отъ многого, что наполняетъ жизнь большинства; но это дѣлается ради самой жизни; это отклоненіе и есть тотъ «поворотъ», о которомъ сказано, что онъ ведетъ въ царство небесное, — онъ отнюдь не внѣшній, а чисто внутренній. То, чему учитъ Будда, въ известной степени физическій процессъ, это — фактическое умерщвленіе плоти и духа въ челоуѣкѣ: кто хочетъ быть спасенъ, тотъ долженъ исполнить три обѣта — цѣломудрія, бѣдности и послушанія. У Христа мы не находимъ ничего подобнаго: Онъ присутствуетъ на брачныхъ пирахъ, объявляетъ бракъ священнымъ учрежденіемъ Божиимъ, а грѣхи плоти судитъ такъ снисходительно, что даже для жены прелюбодѣйки не находитъ слова проклятія; правда, онъ считаетъ богатство однимъ изъ прештствій къ упомянутому повороту въ направленіи воли: богатому, говоритъ Онъ, труднѣе войти въ царство небесное, что находится внутри насъ, чѣмъ верблюду пройти сквозь игольное ушко, однако тотчасъ же прибавляетъ — и это самое характерное и рѣшающее: — «что невозможно людямъ, возможно Богу». Это опять-таки одно изъ мѣстъ, которыя нельзя было изобрѣсти, ибо нигдѣ въ цѣломъ мірѣ мы не видимъ ничего подобнаго. Діатрибъ противъ богатства бывало много и раньше (стоитъ прочесть еврейскихъ пророковъ), въ послѣдствіи они повторялись (см. посланіе Іакова); для Христа, однако, богатство есть нѣчто совсѣмъ внѣшнее, обладаніе имъ можетъ и быть и не

быть помѣхой, — для него весь вопросъ исключительно и единственно въ томъ, чтобы совершилось внутреннее превращеніе. Позднѣ именно этотъ самый случай прекрасно поясняется самымъ значительнымъ изъ апостоловъ: если Христосъ посоветовалъ богатому юношѣ: «Иди, продай свое имущество и роздай бѣднымъ», то апостолъ Павелъ дополняетъ эти слова замѣчаніемъ: «И если бы я роздалъ все свое имущество нищимъ, и не имѣлъ любви, то это не принесло бы мнѣ пользы». Кто направляетъ путь свой къ смерти, тотъ можетъ довольствоваться бѣдностью, цѣломудріемъ и послушаніемъ, кто же избираетъ жизнь — у того другое на умѣ.

Здѣсь необходимо обратить вниманіе еще на одинъ пунктъ, въ которомъ ярко и убѣдительно сказывается все жизненное, заключающееся въ явленіи и примѣрѣ Христа. Я говорю о боевомъ духѣ. Слова Христа о смиреніи, терпѣннн, Его завѣтъ любить враговъ нашихъ и благословлять ненавидящихъ насъ — встрѣчаютъ почти равноцѣнныя поученія у Будды; но они проистекаютъ, однако, изъ совершенно другого мотива. Для Будды каждая вынесенная обида есть умерщвленіе, для Христа — средство споспѣшествовать новому возрѣнію на жизнь: «Влаженни гонимые правды ради, ибо ихъ есть царство небесное» (то царство небесное, которое, какъ сокровище, лежитъ зарытое на полѣ жизни). Если же мы перейдемъ во внутреннюю область, если выставляется единый основной вопросъ о направленіи воли, тогда мы слышимъ совсѣмъ иныя слова: «Думаете ли вы, что Я пришелъ дать миръ землѣ? Нѣтъ, говорю вамъ, но раздѣленіе. Ибо отнынѣ пятеро въ одномъ домѣ станутъ раздѣляться, трое противъ двухъ, и двое противъ трехъ: отецъ

будеть противъ сына, и сынъ противъ отца; мать противъ дочери, и дочь противъ матери; свекровь противъ невѣстки своей, и невѣстка противъ свекрови своей. И враги челоуѣку — домашніе его. Не миръ пришелъ я принести, а мечъ»: вотъ тонъ, который можетъ ускользнуть отъ нашего вниманія, если мы хотимъ понять явленіе Христа. Жизнь Иисуса Христа — открытое объявленіе войны не противъ формъ цивилизаціи, культуры и религіи, которыя Онъ видѣлъ вокругъ себя, — Онъ соблюдаетъ еврейскіе религиозные законы и учитъ: «отдайте кесарево Кесарю, а Божіе — Богу», — нѣтъ, а противъ внутренняго духа людей, противъ побудительныхъ причинъ, изъ которыхъ вытекаютъ ихъ дѣйствія, противъ цѣли (даже и загробной), которую они себѣ намѣтили. Явленіе Иисуса Христа означаетъ, съ міровой исторической точки зрѣнія, возникновеніе новой породы людской. Линней различалъ столько челоуѣческихъ расъ, сколько существуетъ окрасокъ кожи; новая окраска воли еще глубже проникаетъ въ организмъ, чѣмъ различіе пигмента наружной кожи! И господиной этой новой челоуѣческой расы, «новый Адамъ», какъ его превосходно называетъ Писаніе, ничего не хотеть знать ни о какихъ уступкахъ; онъ прямо ставитъ на выборъ: Богъ или маммонъ. Кто изберетъ поворотъ, кто внемлетъ велѣнію Христа: «слѣдуйте за Мною!», — тотъ долженъ даже, если понадобится, покинуть отца и мать, жену и дѣтей, но не для того, чтобы обрѣсти смерть, какъ дѣлаютъ ученики Будды, а для того, чтобы обрѣсти жизнь. На этомъ пунктѣ совершенно прекращается жалость; кто потерянь — тотъ потерянь, и съ античной жестокостью геройскихъ натуръ люди не ропаютъ ни единой слезы, чтобы оплакивать потерянныхъ;

«предоставьте мертвым хоронить своих мертвецов». Не всякій способенъ уразумѣть слова Христа; Онъ и говорить: «много званыхъ, но мало избранныхъ». И тутъ опять апостолъ Павелъ пояснилъ эту мысль съ обычной силой: «Слово о крестѣ—для погибающихъ есть безуміе, а для насъ, спасаемыхъ, сила Божія». Наружно Христосъ мирится со всякой, съ любой формой; но когда дѣло коснется направленія воли, устремляется ли она къ вѣчному или къ переходящему, споспѣшествуетъ ли она раскрытію неизмѣримой жизненной силы внутри человѣка, или же подавляетъ ее, направлена ли она къ оживотворенію того царства Божія, что внутри насъ, или, наоборотъ, засыпаетъ навѣки это единственное сокровище «избранныхъ»—тогда уже у Христа нѣтъ рѣчи ни о какой терпимости, да и не можетъ быть. Въ XVIII столѣтіи много старались о томъ, чтобы лишить возвышенный образъ Сына Человѣческаго всѣхъ Его энергичныхъ чертъ. Намъ рисовали какой-то обманчивый образъ безграничной терпимости, какой-то благодушной пассивности, выдавая это за христіанство,—получалась какая-то молочная религія, разбавленная водою. Въ послѣдніе годы происходили даже «религіозные конгрессы всѣхъ вѣроисповѣданій», на которыхъ попы всего міра братски подавали другъ другу руки, и многіе христіане привѣтствовали это, какъ нѣчто особенно «христіанское». Быть можетъ, это въ самомъ дѣлѣ нѣчто прекрасное съ церковной точки зрѣнія; но Христосъ не присылалъ своего апостола на подобный конгрессъ. «Или слово о крестѣ безуміе, или же оно сила Божія»; между этими двумя альтернативами самъ Христосъ раскрылъ бездну разъединенія, и чтобы уничтожить всякую возможность пере-

кинуть через нее мостъ, исторгнуть пламенный мечъ. Кто понимаетъ явленіе Христа, тотъ не можетъ этому удивляться. Терпимость Христа есть терпимость духа, который высоко паритъ надъ всѣми формами, раздѣляющими міръ; сліяніе этихъ формъ могло бы имѣть для Него самое малое значеніе, -- оно было бы просто образованіемъ новой формы; для Него, напротивъ, имѣютъ значеніе единственно «духъ и истина». И когда Христосъ учитъ: «И если кто ударитъ тебя въ правую щеку, подставь и лѣвую; если кто возьметъ у тебя рубашку, отдай ему и верхнее платье», — ученіе, которое навѣки подтвердилъ Его примѣръ на крестѣ, — то всякій увидитъ, что это тѣсно связано съ послѣдующимъ: «Любите враговъ вашихъ, творите добро ненавидящимъ васъ», и что здѣсь выражается тотъ внутренній «поворотъ», — но не пассивный, а въ возможно высокой формѣ жизненныхъ поступковъ. Если я подставляю дерзкому оскорбителю свою лѣвую щеку, то сдѣлаю это не ради него; если я люблю врага своего и оказываю ему благодаренія, то дѣлаю это не ради него: послѣ поворота моей воли мнѣ иначе невозможно поступать. Старый законъ: око за око, ненависть за ненависть, — точно такое же естественное рефлективное движеніе, какъ и подергиваніе ногъ у мертвой уже лягушки, когда прикоснутся къ ихъ нерву. Очевидно, «новый Адамъ» настолько забралъ власть надъ «старымъ Адамомъ», что уже не повинуется этому принужденію. Однако здѣсь не простое самообладаніе, — ибо если Будда является противоположностью Христу, то другой противоположностью является стоикъ. Но этотъ поворотъ воли, это вступленіе въ скрытое царство Божіе, это рожденіе вновь — все, что составляетъ сумму примѣра

Христа, обуславливаетъ въ дѣйствительности полный пере-воротъ ощущеній. Въ этомъ-то и заключается это «новое». До Христа кровавая месть была священнымъ закономъ у различныхъ расъ; но Распятый восклицалъ: «Отецъ, прости имъ, ибо не вѣдаютъ, что творятъ!» И кто приметь божественный голосъ состраданія за слабый гуманизмъ, тотъ, значить, не понялъ ни единой черты изъ явленія Христа. Голосъ, который здѣсь слышится, звучитъ изъ того царства Божія, что скрыто внутри насъ; страданія и смерть потеряли надъ нимъ силу; они такъ же мало трогаютъ человѣка, родившагося вновь, какъ ударъ въ щеку, или же грабительское похищеніе одежды; о эту волю разбивается, какъ легкая морская пѣна объ гранитную скалу, все, что понуждаетъ, мучитъ и угнетаетъ человѣка-полуобезьяну: себялюбіе, суевѣріе, пристрастіе, зависть, ненависть. Передъ лицомъ смерти Богочеловѣкъ едва замѣчаетъ Свое собственное страданіе и тоску; Онъ видитъ только, что люди пригвождаютъ къ кресту все божественное, что въ нихъ заключается, что они попираютъ ногами сѣмена царства небснаго, что они засыпаютъ мусоромъ сокровище въ полѣ, и, полный состраданія, восклицаетъ: «они не вѣдаютъ, что творятъ!» Ищите во всей міровой исторіи, и вы не найдете другого слова, подобнаго этому по своей возвышенности! Здѣсь говорить разумъ болѣе дальновидный, чѣмъ индійскій; въ то же время здѣсь звучитъ могучая воля, увѣренное самосознаніе.

Подобно тому, какъ мы, люди послѣдняго вѣка, открыли силу, которая лишь повременамъ проявлялась въ легкихъ облакахъ въ видѣ молніи, скрытую силу, невидимую, неоощуаемую никакимъ чувствомъ, необъяс-

нимую никакой гипотезой, тѣмъ не менѣ вездѣсущую и всемогущую, и теперь намѣреваемся на основаніи этой силы внести полный переворотъ въ наши вѣшнія жизненные условія, — такъ и Христосъ указывалъ на силу, скрытую въ глубинѣ неизвѣданнаго и неприступнаго міра человѣческой души, силу, способную совершенно переродить самого человѣка, способную изъ жалкаго, обремененнаго страданіемъ существа сдѣлать сильное, блаженное. Молнія всегда была исключительно разрушительницей; сила же, на открытіе которой навела насъ молнія, служить отнынѣ мирному труду и благосостоянію; точно также и человѣческая воля искони была сѣменемъ всякаго зла и горя, постигавшаго родъ человѣческій, — а теперь она должна служить къ перерожденію этого поколѣнія, къ возникновенію новой человѣческой породы. Отсюда проистекаетъ, какъ я уже говорилъ, несравненное мировое историческое значеніе жизни Христа. Никакая политическая революція не можетъ сравниться съ этой!

Съ точки зрѣнія міровой исторіи можно провести параллель между подвигомъ Христа и подвигами древнихъ грековъ. Въ первой главѣ я объяснилъ, въ какой степени можно разсматривать Гомера, Демокрита, Платона и т. д., какъ истинныхъ «творцовъ», и къ этому прибавилъ: тогда лишь родилось вполнѣ новое существо, тогда лишь микрокосмъ содержитъ микрокосмъ. Единственное, что заслуживаетъ названія культуры, — есть дочь такой творческой свободы. Что сдѣлалъ греческій міръ для разума, то Христосъ сдѣлалъ для нравственной жизни: только черезъ Христа человѣчество приобрѣло нравственную культуру. Или, вѣрнѣе сказать: возможность нравственной культуры; ибо культурный моментъ и есть то внутреннее

творческое событіе, добровольный властный поворотъ воли; а между тѣмъ именно этотъ моментъ остался, за немногими исключеніями, совершенно незамѣченнымъ; христіанство стало по преимуществу исторической религіей, и у алтарей ея церквей находили себѣ пріютъ всѣ суевѣрія древности и еврейства. И все-таки явленіе Христа остается единственной основной всякой нравственной культуры, и сообразно съ тѣмъ — насколько глубоко проникаетъ это явленіе, настолько и нравственная культура нашихъ народовъ складывается болѣе или менѣе благоприятно.

Въ связи съ этимъ можно сказать, что явленіе Христа на землѣ раскололо все человѣчество на два класса. Оно первое создало настоящій аристократизмъ, — истинный аристократизмъ по рожденію, ибо только тотъ, кто избранъ, можетъ быть христіаниномъ. Въ то же время оно кинуло въ сердца своихъ избранныхъ зародышъ новаго, горькаго страданія: оно разлучило ихъ съ отцомъ и матерью, заставило бродить одинокими среди людей, которые не понимали ихъ, отмѣтило ихъ печатью мучениковъ. И кто же выполнѣ господиць? Кто поборошь выполнѣ свои рабскіе инстинкты? Внутренній разладъ сталъ отнынѣ терзать душу чловѣка. До сихъ поръ онъ, въ суетѣ жизненной борьбы, едва пришелъ къ сознанію своего я, а теперь получилъ негаданно высокое представленіе о своемъ достоинствѣ, о своемъ внутреннемъ значеніи и силѣ. Какъ часто долженъ былъ этотъ самый чловѣкъ чувствовать въ душѣ своей полное крушеніе отъ своего безсилія и негодности! Теперь только жизнь стала по-истинѣ трагической. И это благодаря свободному дѣйствію чловѣка, возставшаго

противъ своей собственной животной природы. Изъ совершеннаго питомца природы человекъ превратился въ несовершенное нравственное существо, изъ счастливаго орудія—онъ сталъ «здополучнымъ художникомъ», какъ говоритъ Шиллеръ. Но человекъ уже не хочетъ быть орудіемъ и, какъ Гомеръ создавалъ себѣ боговъ, какихъ хотѣлъ, такъ теперь и человекъ возмущился противъ нравственной тираніи природы и создалъ себѣ возвышенную мораль, какую самъ пожелалъ; онъ не хочетъ болѣе повиноваться слѣпымъ побужденіямъ, хотя бы они были ограждены и обуздываемы статьями закона,—онъ хочетъ слушаться только своего собственнаго нравственнаго закона.

Въ Христѣ человекъ пробуждается къ сознанию своего нравственнаго призванія, въ то же время, однако, и къ необходимости внутренней войны, уже длящейся цѣлыя тысячелѣтія. Мы вмѣстѣ съ Кантомъ вступили наконецъ на этотъ путь, послѣ многовѣковаго анти-христіанскаго перерыва. «Возвращеніе къ природѣ»,—такъ думали анти-христіанскіе гуманисты и деисты XVIII столѣтія: о, нѣтъ! Освобожденіе отъ природы, безъ которой мы ничего не можемъ дѣлать, но которую мы, однако рѣшили подчинить себѣ.

Въ противоположность природѣ, человекъ сознаетъ самого себя существомъ интеллектуальнымъ въ области искусства и философіи—существомъ общественнымъ въ бракѣ и законѣ и существомъ нравственнымъ—во Христѣ. Онъ вступаетъ въ борьбу. И тогда уже недостаточно одного смиренія; кто хочетъ слѣдовать за Христомъ, тому нужно прежде всего мужество, мужество въ чистѣйшемъ его видѣ, то неустанно воспламеняю-

щееся, закаляемое внутреннее мужество, которое обнаруживается не только въ одуряющемъ шумѣ битвы, но проявляется въ терпѣнн и выносливости, и въ безмолвной, безропотной ежечасной борьбѣ съ рабскими инстинктами въ собственной груди. Примѣръ на лицо. Ибо въ явленіи Христа мы находимъ возвышенный примѣръ героическаго мужества. Моральное геройство здѣсь такъ высоко, что мы проходимъ почти безъ вниманія мимо физическаго мужества, обыкновенно столь прославляемаго у героевъ; несомнѣнно только героическія души могутъ быть христіанами въ истинномъ смыслѣ этого слова, только «господа, а не рабы». Когда Христось говоритъ: «Я кротокъ», то мы, конечно, понимаемъ, что это кротость героя, увѣреннаго въ побѣдѣ; а когда Онъ говоритъ: «Я смиренъ сердцемъ», то мы знаемъ, что это не смиреніе раба, а смиреніе господина, который отъ полноты своей силы снисходитъ къ слабому.

Когда къ Иисусу однажды обратились, называя Его не просто «Господомъ» или «Учителемъ», а «Учитель благій», Онъ отвергъ это названіе: «Что зовете меня благимъ: никто не благъ, только одинъ Богъ». Эти слова должны заставить призадуматься и убѣдить насъ, какъ ошибочно всякое представленіе о Христѣ, гдѣ на первый планъ выдвинута небесная благость, кротость, долготерпѣнн, — они не составляютъ основу Его характера, а являются какъ бы благоухающими цвѣтами на могучемъ деревѣ. Чтѣ было основой всемірнаго могущества Будды? Не его ученіе, а его примѣръ, его героическій подвигъ; этотъ-то подвигъ, это проявленіе нечеловѣческой силы воли—привлекъ къ нему миллионы людей и продолжаетъ привлекать до сихъ поръ. У Христа же проявилась еще

болѣе возвышенная воля. Ему не нужно было бѣжать отъ міра, Онъ не избѣгалъ прекраснаго, Онъ даже поощрялъ употребленіе драгоцѣннаго мѳра, тогда какъ Его ученики назвали это «расточительностью»; Онъ не удалялся въ пустыню, но изъ пустыни выступилъ въ жизнь, какъ побѣдитель, съ провозглашеніемъ «радостной вѣсти», — не о смерти, а о спасеніи! Я уже сказалъ, что Будда означаетъ старческій исходъ изъ пережитой, вступившей на ложный путь культуры, Христось наобороть, означаетъ зарю новаго дня; Онъ завоевалъ старому человѣчеству новую юность, Онъ сталъ Богомъ юныхъ, свѣжихъ индо-европейцевъ, и подъ знаменіемъ Своего Креста постепенно насадилъ на развалинахъ ветхаго міра новую культуру, надъ которой намъ еще долго придется работать, чтобы она когда-нибудь, въ далекомъ будущемъ, заслужила названіе «христіанской».

Галилеяне.

Если бъ я послушался внушенія своего сердца, я провелъ бы здѣсь заключительную черту этой главѣ. Но въ интересахъ позднѣйшихъ объясненій необходимо разсматривать явленіе Христа не только во всей его чистотѣ, освобожденной отъ всего окружающаго, но также и въ его отношеніяхъ къ этому окружающему. Иначе будутъ неопытны многія важныя явленія изъ прошлаго и настоящаго. Вовсе не безразлично, получимъ ли мы, путемъ строгаго анализа, точное понятіе на счетъ того, что въ этомъ образѣ заключалось еврейскаго и не-еврейскаго. На этотъ счетъ съ самаго начала христіанской эры и понынѣ всюду, отъ низшихъ слоевъ интеллекту-

альнаго міра и до самыхъ высшихъ,—царила страшная путаница. Людямъ было трудно постигнуть столь возвышенный образъ и обозрѣть его органическія отношенія къ средѣ. Но кромѣ того все сходилось точно нарочно, чтобы стереть и поддѣлать его истинныя черты: этому способствовали особенности еврейской религіи, сирійскій мистицизмъ, египетскій аскетизмъ, эллинская метафизика, затѣмъ также и римскія государственныя и жреческія преданія, къ тому же еще суевѣріе варваровъ, всякія недоразумѣнія и всякія недомыслія. Въ XIX вѣкѣ много занимались распутываніемъ этого вопроса; однако, насколько мнѣ извѣстно, никому еще не удалось выдѣлнить немногіе важные пункты изъ массы фактовъ и выяснить ихъ передъ всѣми. Мы попытаемся здѣсь, правда безъ учености, но и безпристрастно изслѣдовать, насколько Христосъ принадлежалъ къ своей средѣ и ея воззрѣніямъ, насколько Онъ разнился отъ нея и высоко парилъ надъ ними. Только такимъ путемъ удастся высвободить отъ всякихъ случайностей личность Христа въ ея цѣльномъ, независимомъ достоинствѣ.

Итакъ, прежде всего возникаетъ вопросъ: былъ ли Христосъ евреемъ, по принадлежности къ племени?

Этотъ вопросъ на первый взглядъ представляетъ что-то мелочное. Передъ подобнымъ явленіемъ всѣ особенности расъ обращаются въ ничто. Возьмемъ для примѣра Псаю: какъ бы высоко онъ ни стоялъ надъ своими современниками, онъ остается неизмѣнно евреемъ съ головы до пятъ—всякое его слово, такъ сказать, вытекаетъ изъ самой исторіи и духа его народа; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ обличаетъ и клянетъ что-ни-

будь характерно еврейское — онъ все-таки остается евреемъ: у Христа нѣтъ ничего подобнаго. Или возьмемъ еще Гомера! Онъ впервые пробуждаетъ эллинскій народъ къ самосознанію; чтобъ быть въ состояніи это сдѣлать, онъ долженъ былъ таить въ собственной груди своей квинт-эссенцію всего эллинизма. Гдѣ же тотъ народъ, который, будучи пробужденъ Христомъ къ жизни, пріобрѣлъ себѣ этимъ самымъ драгоценное право — хотя бы онъ жилъ на антиподахъ, — считать Христа своимъ? Во всякомъ случаѣ не въ Иудеѣ! Для вѣрующихъ Христосъ есть Сынъ Божій, а не человѣческій; для невѣрующаго трудно найти формулу, которая бы такъ выразительно и сжато опредѣлила неоспоримый фактъ этой несравненной личности въ ея неизъяснимости. Бываютъ явленія, которыя нельзя опредѣлить безъ символа. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать о принципиальномъ вопросѣ, чтобы очистить себя отъ всякаго подозрѣнія, будто я шлыть на буксирѣ той плоской «исторической» школы, которая берется объяснить необъяснимое. Другое дѣло изучить историческую среду личности для того, чтобы еще ярче выступила эта личность. Когда мы это сдѣлаемъ, то все-таки отвѣтить на вопросъ: былъ ли Христосъ евреемъ? будетъ отнюдь не легко. По религіи и воспитанію онъ несомнѣнно былъ евреемъ, по племени же — по всей вѣроятности онъ не былъ евреемъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Названіе Галилея (отъ *Gelil haggoyim*) означаетъ «языческій округъ». Повидимому, эта часть страны, столь отдаленная отъ интеллектуальнаго центра, не сохранила полной чистоты, даже въ древнія времена, когда Израиль пользовался могуществомъ и единствомъ и когда она была удѣломъ колѣнъ Невфалимова и За-

вулонова. О колѣнѣ Невфалимовомъ говорится, что оно съ самаго начала было «очень смѣшаннаго происхожденія», и если гдѣ-либо сохранилось въ Палестинѣ первобытное, не-израильянское населеніе, то нигдѣ въ такомъ количествѣ, какъ въ сѣверныхъ областяхъ. Къ этому надо прибавить еще одно обстоятельство. Между тѣмъ какъ остальная Палестина по своему географическому положенію была, такъ сказать, изолирована отъ свѣта, уже въ то время, когда израильяне заняли страну, существовала дорога отъ Генисаретскаго озера въ Дамаскъ, и оттуда легче было добраться до Тира и Сидона, чѣмъ до Іерусалима. Такъ мы видимъ, что Соломонъ уступилъ значительную часть этого «языческаго округа» (какъ онъ уже назывался въ Книгахъ Царствъ) царю тирскому Хираму, двадцать городовъ, въ уплату за поставку на сооруженіе храма кедровъ и елей, и получилъ отъ него 120 талантовъ золота: не лежало сердце царя израильскаго къ этой области, наполовину населенной чужеземцами! Тирскій царь Хирамъ, очевидно, нашелъ ее мало населенной, ибо воспользовался случаемъ, чтобы поселить въ Галилеѣ какія-то чужестранныя народности. Затѣмъ наступило, какъ извѣстно, раздѣленіе на два царства, и съ этихъ поръ, т. е. уже за тысячу лѣтъ до Христа ¹⁾, лишь по временамъ мимолетно устанавливалась болѣе тѣсная политическая связь между Галилеей и Іудеей, а такая связь болѣе, чѣмъ общность религіи, способствуетъ обыкновенно сліянію народовъ. Также и во времена Христа Галилея была въ политическомъ отношеніи оторвана отъ Іудей, такъ что состояла по отношенію

¹⁾ Graetz: «Volksthümliche Geschichte der Juden», I, 88.

къ ней на положеніи чужого края¹). Между тѣмъ, случилось пѣчто, почти совершенно уничтожившее на вѣки вѣчные израильскій характеръ этой сѣверной области: за 720 лѣтъ до Христа (слѣдовательно около полутора вѣка до Вавилонскаго плѣненія евреевъ) сѣверное царство Израильское было опустошено ассирійцами и население его—повидимому, во всей его совокупности, во всякомъ случаѣ въ большинствѣ—переселено въ различныя отдаленныя части государства, гдѣ израильтяне въ короткое время слились съ остальными жителями и вслѣдствіе этого **исчезли безслѣдно** ²). Въ то же время изъ отдаленныхъ

¹) Graetz, назв. соч., I, 567. «Галилея и Переея имѣли одного общаго правящаго тетрарха, между тѣмъ какъ Іудея, Самарія и Идумея подчинялись римскому прокуратору». Грѣцъ прибавляетъ: «Вслѣдствіе враждебности самарянъ, земля которыхъ врызывалась клиномъ между Іудеей и Галилеей, сношенія между двумя раздѣленными областями были еще болѣе стѣснены». Кроме того вообще нѣтъ основанія отождествлять истыхъ «израильтянъ» сѣвера съ собственно «іудеями».

²) Такъ окончательно исчезли, что многіе богословы, располагавшіе досугомъ, ломали себѣ голову, въ XIX столѣтіи, надъ вопросомъ: куда дѣвались израильтяне? Ученые не могли понять, какъ $\frac{5}{6}$ народа, которому Іегова обѣщала всю землю, могли попросту исчезнуть. Одна изобрѣтательная голова даже заявила, что десять колѣнъ, считавшихся пропащими, суть не кто иные, какъ нынѣшніе англичане! Онъ не затруднился даже вывести мораль изъ этого открытія: поэтому-де британъ принадлежитъ по праву около $\frac{5}{6}$ всей поверхности земли, остальная: $\frac{1}{6}$ евреямъ (См. «Lost Israel where are they, to be found», Edinburgh, 1877). Въ этой брошюрѣ упоминается еще другое сочиненіе Вильсона: «Our israelitish origin». Согласно этимъ авторитетамъ, есть англосаксы, ведущіе свое происхожденіе отъ Моисея. **Какихъ только глупостей не говорилось въ нашъ милый XIX вѣкъ!**

*

мѣстностей были переселены въ Палестину иноземныя племена. Ученые предполагаютъ, конечно, не представляя ручательствъ, что значительная часть прежняго смѣшанно-израильскаго населенія осталась въ странѣ; во всякомъ случаѣ этотъ остатокъ не держался особнякомъ отъ переселенцевъ и былъ поглощенъ смѣшаннымъ населеніемъ ¹⁾). Итакъ, судьба этихъ земель была совсѣмъ иная, чѣмъ судьба Іудеи. Когда позднѣе евреи были уведены, то земля ихъ оставалась, такъ сказать, незаселенной, обитаемой лишь немногими, притомъ туземными, земледѣльцами, такъ что по возвращеніи изъ плѣна вавилонскаго, гдѣ они кромѣ того соблюдали свою племенную чистоту, евреямъ нетрудно было и далѣе сохранить эту чистоту. Галилея и граничащія съ нею области, какъ сказано, были, напротивъ, систематически колонизованы изъ Ассиріи и, какъ видно изъ повѣствованій Библии, изъ различныхъ частей исиолинскаго царства, въ особенности изъ сѣверной гористой Сиріи. Въ вѣка передъ Рождествомъ Христовымъ туда кромѣ того выселилось много финикійцевъ, а также и грековъ ²⁾). На основаніи этого факта весьма вѣроятно, что въ Галилею занесена была чисто арійская кровь; несомнѣнно однако то, что тамъ происходило пестрое смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ расъ, и что чужеземцы въ большомъ количествѣ селились въ доступной и плодородной Галилеѣ. Ветхій Завѣтъ съ пре-

¹⁾ Какъ изгладился отличительный характеръ израильскаго народа, о томъ повѣствуетъ Робертсонъ Смитъ (Robertson Smith, «The Prophets of Israël», 1905).

²⁾ Albert Reville: «Jesus de Nazareth», I, 416. Не надо также забывать, что Александръ Великій послѣ возстанія въ Македоніи 311 года населилъ близъ лежащую Самарію македонянами.

лестной наивностью рассказываетъ, какъ эти чужеземцы первоначально начали поклоняться Іеговѣ: въ опустѣвшей странѣ размножились хищные звѣри; это нашествіе сочли карой за пренебреженіе къ туземному богу; но въ странѣ уже никого не было, кто научилъ бы новыхъ жителей, какъ онъ желаетъ, чтобы ему поклонялись; и вотъ колонисты послали къ царю ассирійскому и просили его отпустить изъ плѣна израильскаго священника; тотъ прибылъ и научилъ ихъ поклоняться «туземному богу». Такимъ образомъ жители сѣверной Палестины, начиная съ Самаріи, стали евреями по вѣрѣ, даже и тѣ, которые въ жилахъ не имѣли ни капли еврейской крови. Въ позднѣйшія времена тамъ, впрочемъ, можетъ быть поселялись и чистокровные евреи, но уже исключительно, какъ чужеземцы, въ большихъ городахъ, ибо одна изъ замѣчательнѣйшихъ особенностей евреевъ, — а именно послѣ ихъ возвращенія изъ плѣна, гдѣ и сначала рѣзко ограниченное понятіе «еврей» служило для обозначенія религіи, — была забота сохранить свою расу въ чистотѣ, бракъ между іудеями и галилеянами былъ немислимъ. Однако и эти еврейскіе элементы среди чужеземнаго населенія совершенно исчезли изъ Галилеи незадолго до Рождества Христова. Симонъ Фасси, одинъ изъ Маккаевеѣвъ, послѣ удачнаго похода Галилеи противъ сирійцевъ собралъ всѣхъ жившихъ тамъ евреевъ, убѣдилъ ихъ эмигрировать и всѣмъ поселиться въ Іудеѣ¹⁾. Предубѣжденіе противъ Галилеи сохранилось у евреевъ до такой степени, что, когда во времена юности Христа Иродъ Антипа построилъ городъ Тиверіаду и хотѣлъ заставить

¹⁾ Graetz, вышеназв. соч., I, 400. См. также I Кн. Маккав. V, 23.

евреевъ поселиться тамъ, ему не удавалось склонить ихъ къ тому ни обѣщаніями, ни силой ¹⁾). Итакъ, нѣтъ ни малѣйшаго повода предполагать, что родители Иисуса Христа были, по племени, евреями.

Далѣе произошло нѣчто, чему можно бы подыскать не одну аналогію въ исторіи: у жителей расположенной южнѣе и непосредственно примыкающей къ Иудеѣ Самаріи, которая безспорно и по крови и по отношеніямъ была гораздо ближе къ истымъ евреямъ, чѣмъ галилеяне, сохранилась преемственная сѣвероизраильская антипатія и зависть къ евреямъ; самаряне не признавали церковнаго главенства Іерусалима, а евреи ненавидѣли самарянъ, какъ еретиковъ, до такой степени, что не дозволялось даже поддерживать съ ними сношенія: правовѣрный еврей не смѣлъ брать изъ ихъ рукъ ни куска хлѣба,—это считалось такимъ же грѣхомъ, какъ ѣсть свинину ²⁾). Галилеяне же, напротивъ, считавшіеся у евреевъ «чужеземцами» и, какъ таковые, презираемые и даже исключавшіеся изъ многихъ религіозныхъ обрядовъ,—были однако правовѣрные и зачастую даже фанатичные «евреи». Но выводить изъ этого заключеніе объ ихъ происхожденіи отъ евреевъ было бы просто смѣшно. Это было бы то же самое, какъ еслибъ захотѣли неподмѣшанное населеніе Босніи или чистѣйшее племя индоарійцевъ Авганистана отождествить съ «турками», только потому, что они строго правовѣрные магометане и гораздо фанатичнѣе, чѣмъ истые османы. Названіе

¹⁾ Graetz, вышеназв. соч., I, 568. См. «Josephus», книга XVII, гл. 3.

²⁾ Изъ Мишны цитировано Ренаномъ: Renan, «Vie de Jésus», изд. 23, стр. 242.

«еврей» обозначает прежде всего определенную, сохранившуюся въ удивительной чистотѣ расу, а уже потомъ людей, исповѣдующихъ известную религію. Точно также совсѣмъ невозможно равнять понятие «еврей» съ понятіемъ «сеMITЬ», какъ это часто дѣлаютъ за послѣднее время.

Национальный характеръ, на примѣръ, арабовъ совершенно иной, чѣмъ характеръ евреевъ. Къ этому я вернулся послѣ, а теперь только обращаю вниманіе на то, что национальный характеръ галилеянъ также существенно различенъ отъ еврейскаго. Разверните любую исторію евреевъ—Эвальда, Грѣца или Ренана,—всюду вы найдете, что галилеяне отличались своимъ характеромъ отъ прочихъ обитателей Палестины: они считались горячими головами, энергичными идеалистами, людьми дѣла. Въ долгихъ распряхъ съ Римомъ до и послѣ временъ Христа галилеяне всегда были безпокойнымъ элементомъ, людьми, которыхъ могла укротить одна лишь смерть. Въ то время, какъ многочисленныя колоніи чистокровныхъ евреевъ въ Римѣ и Александріи жили на превосходной ногѣ съ языческой имперіей, гдѣ они процвѣтали въ качествѣ снотолкователей ¹⁾, старьевщиковъ, квартирохозяевъ, ростовщиковъ, актеровъ, торговцевъ, ученыхъ и т. д., въ отдаленной Галилеѣ, еще при жизни Цезаря, X Езекия - Галилеянинъ осмѣлился поднять знамя религіознаго возстанія! За нимъ слѣдовалъ Іуда - Галилеянинъ, съ его девизомъ: «Единъ Богъ—владыка, смерть!

¹⁾ Ювеналь рассказываетъ:

Aere minuto
Qualiacunque voles Iudaei somnia vendunt.

То есть: «Евреи истолкуютъ тебѣ любой сонъ за какую хочешь плату».

нипочемъ, свобода—все!»¹⁾. Затѣмъ возникла въ Галилеѣ партія сикаріевъ (людей ножа), нѣсколько сходныхъ съ современными индійскими «тугами»; ихъ главный вождь, галилеянинъ Менахемъ, во времена Нерона истребилъ римскій гарнизонъ Иерусалима и въ награду за это былъ казненъ самими евреями, по обвиненію, что онъ выдавалъ себя за Мессію; сыновья Іуды были распяты на крестѣ, какъ опасные для государства (еврейскимъ прокураторомъ); Іоаннъ изъ Гипалы, города, лежащаго на крайней сѣверной границѣ Галилеи, руководилъ отчаянной обороной Иерусалима противъ Тита, и рядъ галилейскихъ героевъ замыкаетъ Елеазаръ, который еще долгіе годы послѣ разрушенія Иерусалима держался съ маленькимъ отрядомъ въ горахъ, гдѣ онъ и его приверженцы, потерявъ, наконецъ, послѣднюю надежду, умертвили сперва женъ и дѣтей, а потомъ и самихъ себя²⁾. Во всемъ этомъ, каждый съ этимъ согласится, проявляется особый, отличительный національный характеръ. О женщинахъ галилейскихъ неоднократно упоминается въ Писаніи: онѣ славилась особенной, только имъ свойственной красотой. Христіане первыхъ вѣковъ рассказываютъ, кромѣ того, объ ихъ необыкновенной добротѣ и предупредительности къ людямъ другихъ вѣроисповѣданій, въ противоположность надменно-презрительному обращенію истыхъ евреевъ. Этотъ своеобразный національный характеръ нашелъ еще другое безошибоч-

¹⁾ Mommsen: «Römische Geschichte», V, 515.

²⁾ И позднѣе жители Галилеи образовали особую расу, отличающуюся своей силой и мужествомъ, что и доказывается ихъ участіемъ въ походѣ подъ предводительствомъ перса Шарбарца и взятіемъ Иерусалима въ 614 году.

ное выражение: языкъ. Въ Иудеѣ и пограничныхъ областяхъ во времена Христа говорили на арамейскомъ языкѣ; еврейскій языкъ былъ уже мертвымъ языкомъ, продолжавшимъ существовать только въ Священномъ Писаніи. Разсказываютъ, что галилеяне говорили на такомъ своеобразномъ, чуждомъ нарѣчій арамейскаго языка, что ихъ можно было узнать съ перваго слова: «Рѣчь твоя обличаетъ тебя», замѣтили слуги первосвященника ап. Петру. Еврейскому языку они не въ состояніи были выучиться, такъ какъ гортанные звуки составляли для нихъ непреодолимую трудность; галилеяне не допускали къ публичному чтенію молитвъ, такъ какъ «ихъ выговоръ возбуждалъ смѣхъ»¹⁾. Это доказываетъ физическій недостатокъ въ устройствѣ гортани и даетъ поводъ предполагать, что дѣйствительно у нихъ была сильная примѣсь не-семитической крови, ибо богатство гортанныхъ звуковъ и виртуозность въ произношеніи ихъ—составляетъ черту, общую всѣмъ семитамъ²⁾.

¹⁾ Объ особенностяхъ галилейскаго нарѣчія и неспособности галилеяне произносить семитическіе гортанные звуки см. у Ренана: «Langues sémitiques».

²⁾ См. сравнительную таблицу у Макса Мюллера, «Наука языковъ» (Max Müller: «Science of language»), и въ отдѣльныхъ томахъ «Sacred Books of the East». Санскритскій языкъ знаетъ только шесть чистыхъ гортанныхъ, еврейскій—десять. Самое поразительное—это различіе между гортаннымъ придыхательнымъ *h*, для котораго въ индо-германскихъ языкахъ извѣстенъ только одинъ звукъ, а у семитическихъ языковъ—пять различныхъ. Напротивъ того въ санскритскомъ имѣется 7 различныхъ язычныхъ звуковъ, на еврейскомъ—всего 2.

Какъ невѣроятно трудно совершенно изгладить такія особенности расы, выражающіяся въ произношеніи,—извѣстно изъ примѣровъ нынѣшнихъ евреевъ; совершенно чистое произношеніе нашихъ язычныхъ звуковъ имѣть такъ же трудно, какъ намъ овладѣть ихъ гортанными.

Этим вопросом — был ли Христосъ евреемъ по племени? — я счелъ нужнымъ заняться подробно, потому что ни въ одномъ сочиненіи я не нашелъ ясно сопоставленныхъ фактовъ, касающихся этого предмета. Даже въ объективно научныхъ сочиненіяхъ, свободныхъ отъ богословскихъ предвзятыхъ мыслей, такихъ, какъ сочиненіе Албера Ревилья¹⁾, извѣстнаго профессора сравнительнаго изученія вѣроисповѣданій при Collège de France, слово «еврей» употребляется то по отношенію къ еврейской расѣ, то по отношенію къ еврейской религіи. У Ревилья мы, наиримѣръ, читаемъ слѣдующее: «Галилея была населена большей частью евреями, но тамъ встрѣчались также и сирійскіе, финикійскіе и греческіе язычники». Слѣдовательно, здѣсь подъ евреями подразумѣваются тѣ, кто поклонялся туземному богу Іудеи, безразлично, къ какому бы племени они ни принадлежали. А на слѣдующей страницѣ идетъ рѣчь объ арійской расѣ, въ противоположность еврейской націи, слѣдовательно, здѣсь подъ названіемъ «евреевъ» подразумѣвается опредѣленное, тѣсно ограниченное племя, въ теченіе вѣковъ сохранившее свою чистоту. И вотъ слѣдуетъ глубокомысленное замѣчаніе: «Вопросъ о томъ, былъ ли Христосъ арійскаго происхожденія — есть праздный вопросъ. Человѣкъ принадлежитъ той націи, среди которой онъ выросъ». И это называлось наукой въ благословенномъ 1896 году. Въ концѣ XIX столѣтія ученый еще не зналъ, что форма черепа, строеніе мозга имѣютъ рѣшительное вліяніе на форму и строеніе мыслей, такъ что

¹⁾ Albert Reville, «Jésus de Nazareth, études critiques sur les antécédents de l'histoire évangélique et la vie de Jésus», 2 v. 1897.

какъ бы велико ни было вліяніе среды, но этотъ главный фактъ физическаго строенія связанъ съ извѣстными способностями и возможностями, другими словами—указываетъ этому вліянію извѣстные пути; онъ не зналъ, что строеніе черепа принадлежитъ именно къ тѣмъ характернымъ особенностямъ, которыя съ неискоренимымъ упорствомъ передаются по наслѣдству, такъ что посредствомъ краніологическихъ измѣреній различаются расы, и въ смѣшанныхъ расахъ даже по прошествіи вѣковъ изслѣдователь можетъ открыть атавистически-сохранившіеся составные элементы; этотъ ученый, видите ли, могъ думать, что такъ называемая душа имѣетъ мѣсто-пробываніе внѣ тѣла и водитъ его за носъ, какъ маіоретку! О, средневѣковщина, когда же, наконецъ, поймутъ люди, что тѣло не есть безразличная случайность, а выраженіе внутренняго существа! Что именно здѣсь, въ этомъ пунктѣ соприкасаются оба міра—внутренній и наружный, видимый и невидимый? Я назвалъ человѣческую личность *mysterium magnum* бытія; и вотъ въ ея видимомъ образѣ глазамъ и пытливому уму представляется это непостижимое чудо. И подобно тому какъ возможныя формы зданія въ значительной степени опредѣляются и ограничиваются свойствомъ строевого матеріала,—такъ и возможный обликъ человѣка, его внутреннее и наружное существо въ главнѣйшихъ пунктахъ опредѣляется унаслѣдованными строевыми камнями, изъ которыхъ составлена эта новая личность. Конечно, иногда понятію о расѣ придаютъ слишкомъ большое значеніе; этимъ умаляется значеніе отдѣльной личности и отвергается великое значеніе силы идей; кромѣ того весь этотъ вопросъ о расахъ гораздо запутаннѣе, чѣмъ ду-

*

маеть челоѣкъ непросвѣщенный, — онъ всецѣло принадлежить области анатомической антропологии и не можетъ быть рѣшенъ по произволу изслѣдователей языка и исторіи.

Все-таки не годится безцеремонно отодвигать расу въ сторону, въ качествѣ обстоятельства, которое можно не принимать во вниманіе, еще менѣе высказывать о расѣ что-нибудь прямо ложное и допускать, чтобы такая историческая ложь кристаллизовалась въ непогрѣшимый догматъ. Тотъ, кто утверждаетъ, что Христосъ былъ евреемъ — или невѣжественъ или неправдивъ: невѣжественъ, такъ какъ онъ смѣшиваетъ религію съ расой; неправдивъ, если онъ знаетъ исторію Галилеи, а ея въ высшей степени запутанныя дѣла частью замалчиваетъ, частью искажаетъ въ пользу своихъ религіозныхъ предубѣжденій или даже чтобы угодить могущественному еврейству. На это нельзя отвѣтить положительно. Вѣроятность того, что Христосъ не былъ евреемъ, что въ жилахъ Его не было ни капли еврейской крови, — такъ велика, что почти равняется увѣренности. Къ какой расѣ принадлежалъ Онъ?¹⁾ На это нѣтъ точнаго отвѣта.

¹⁾ Какъ, наприм., объяснить, что Ренавъ въ своей «Жизни Иисуса» («*Vie de Jésus*»), появившейся въ 1863 г., говоритъ о невозможности даже догадываться, къ какому племени принадлежить по крови Христосъ, а въ V т. своей «Исторіи Израіля» «*Histoire du peuple Israëli*» категорически заявляетъ: «Христосъ былъ еврей», и съ необычайной силой набрасывается на тѣхъ, кто смѣетъ въ этомъ усумниться? Ужъ не повліяло ли тутъ Alliance Israëlitique, съ которой Ренавъ въ послѣдніе годы жизни поддѣрживалъ усердныя сношенія? Въ нашъ вѣкъ мы столько слышимъ прекраснаго о свободѣ слова, о свободѣ науки и т. д., а на дѣлѣ еще болѣе поработлены, чѣмъ въ XVIII столѣтіи; къ прежнимъ повелителямъ, никогда въ сущности не слагав-

Такъ какъ страна лежала между Финикіей и Сиріей, которая въ своей юго-западной части была насквозь пропитана семитической кровью и къ тому же еще можетъ быть не совсѣмъ была очищена отъ своего прежняго смѣшанно-израильскаго (но ни въ какое время не еврейскаго) населенія; то является наибольшая вѣроятность семитическаго происхожденія. Но кто лишь вскользь взглянетъ въ племенное вавилонское смѣшеніе Ассирійскаго царства¹⁾ и затѣмъ узнаетъ, что изъ различныхъ частей этого царства переселялись колонисты въ это прежнее отечество евреевъ, тотъ подумаетъ съ отвѣтомъ . Вѣдь возможно, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ группъ колонистовъ было въ обычаѣ заключать браки въ своей средѣ, вслѣдствіе чего племя сохранилось чистымъ; но чтобы это могло соблюдаться болѣе полу-тысячелѣтія—почти невысказуемо; именно благодаря переходу въ еврейскую вѣру постепенно изглаживались племенные различія, которыя первоначально (4 Книга Цар. XVII, 29) поддерживались путемъ отечественныхъ религіозныхъ обычаевъ. Въ позднѣйшія времена, какъ слышно, туда переселялись и греки; во всякомъ случаѣ они принадлежали къ бѣднѣйшимъ классамъ и, конечно, сейчасъ же начинали поклоняться «туземному богу».

Итакъ, на здоровомъ историческомъ основаніи мы можемъ сдѣлать лишь одинъ выводъ: во всей той части свѣта существовала лишь одна чистая

шія оружія, прибавились еще новыя, гораздо худшія. Преній гнетъ по крайней мѣрѣ закладъ характеръ, а новый исхода изъ денегъ и направляемый къ деньгамъ, унижаетъ обращающа въ низкое рабство.

¹⁾ См. Hugo Winkler: «Die Völker Vorderasiens», 1900.

раса, раса, которая путем строгих предписаній ограждала себя отъ смѣшенія съ другими народностями; эта раса—еврейская; что Иисусъ Христосъ не принадлежитъ къ ней, можно считать несомнѣннымъ. Всякое иное утверждение принадлежитъ къ области измышлений.

Этотъ результатъ, хотя и чисто отрицательный, имѣетъ однако большое значеніе; онъ составляетъ цѣнный вкладъ къ правильному уразумѣнію явленія Христа, а вмѣстѣ съ тѣмъ объясняетъ, почему оно такъ сильно дѣйствуетъ до нынѣшняго времени, и помогаетъ распутать страшно запутанные клубки сбивчивыхъ и ложныхъ представлений, обвившихся вокругъ простой, ясной истины. Но далѣе мы должны заглянуть еще глубже. Внѣшняя принадлежность менѣе важна, чѣмъ внутренняя; теперь только мы подходимъ къ рѣшительному вопросу: насколько Христосъ, какъ моральное явленіе, принадлежитъ еврейству, и насколько нѣтъ. Чтобы установить это разъ навсегда, намъ придется сдѣлать рядъ важныхъ сопоставленій, и для этого я требую полного вниманія читателя.

Религія.

Обыкновенно, почти безъ исключенія, дѣло представляется такъ, что Христосъ былъ довершителемъ еврейства, то есть религиозныхъ идей евреевъ ¹⁾. Даже право-

---

¹⁾ Похвальное исключеніе составляетъ Игерингъ (Igering), который говоритъ въ своей «Vorgeschichte der Indoeuropäer», стр. 300: «Ученіе Христа произросло не изъ почвы Его народа; наоборотъ, христіанство представляетъ собою преодоленіе еврейства; въ корнѣ его скрывается нѣчто арійское.»

вѣрные евреи, хотя и не считаютъ въ Немъ довершителя, однако видятъ въ Немъ отвѣтвленіе своего древа и съ гордостью смотрятъ на все христіанство, какъ на придатокъ еврейства. Это—заблужденіе, въ этомъ я глубоко убѣжденъ; этотъ унаслѣдованный нами обманъ—одно изъ тѣхъ мнѣній, которыя мы всасываемъ съ молокомъ матери и о послѣдствіяхъ которыхъ люди свободомыслящіе такъ же мало думали, какъ и правовѣрные церковники.

Несомнѣнно, Христосъ находился въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ еврейству, и вліяніе еврейства ближайшимъ образомъ на складъ Его личности и еще въ гораздо большей степени на возникновеніе и исторію христіанства такъ велико, что всякая попытка опровергнуть это должна была вести къ парадоксамъ; это вліяніе было однако лишь въ слабой степени религиозное. Въ этомъ-то вся суть заблужденія.

Мы привыкли считать еврейскій народъ религиознымъ по преимуществу; въ дѣйствительности же, по сравненію съ индо-европейскими расами, у еврейскаго народа религиозность захирѣлая. У евреевъ по части религіи случилось то, что Дарвинъ называетъ «arrest of development», — оскудѣніе способностей, омертвѣніе въ самой почкѣ. Всѣ отрасли семитическаго племени, въ разныхъ отношеніяхъ богато одаренныя, искони были удивительно бѣдны религиознымъ инстинктомъ; это та «жесткость сердца», на которую всегда жаловались выдающіеся люди изъ ихъ среды ¹⁾. Другое дѣло аріецъ! Уже по

В. ¹⁾ «У семитовъ много суевѣрія, но мало религіи», говоритъ одинъ изъ авторитетовъ по этому вопросу, Robertson Smith: «The Prophets of Israël».

свидѣтельству древнѣйшихъ источниковъ (древнѣе всѣхъ еврейскихъ), мы видимъ, что аріецъ, повинуюсь какому-то смутному побужденію, пытливо старается разобраться въ собственномъ сердцѣ. Этотъ человѣкъ веселъ, жизнерадостенъ, честолюбивъ, легкомысленъ; онъ пѣть, играетъ, охотится, грабитъ; но вдругъ онъ задумывается: великая загадка бытія захватываетъ его цѣликомъ, и не въ качествѣ чисто рационалистической проблемы: «откуда мѣръ? откуда я самъ?» На это можно было бы получить чисто логическій (и потому недостаточный) отвѣтъ, а какъ непосредственная, жизненная потребность. Не понимать, а быть: вотъ чтó его притягиваетъ. Не прошлое, съ его сцѣпленіемъ причинъ и слѣдствій, а настоящее приковываетъ его пытливый умъ. Онъ чувствуетъ, чтó только тогда, когда онъ перекинетъ мосты ко всему окружающему, когда онъ самого себя—единственно ему непосредственно извѣстное—будетъ узнавать въ каждомъ явленіи, каждое явленіе будетъ находить въ самомъ себѣ, только тогда, когда онъ, такъ сказать, приведетъ самого себя въ гармонію съ міромъ,—тогда только онъ можетъ надѣяться уловить собственнымъ ухомъ тканье вѣчной ткани, услышать таинственную музыку бытія въ собственномъ сердцѣ. И для того, чтобы найти это созвучіе, онъ самъ издаетъ голосъ, пробуетъ пѣть на всѣ лады, упражняется во всѣхъ напѣвахъ; затѣмъ благоговѣнно прислушивается. И зовъ его не остается безъ отклика: онъ слышитъ таинственные голоса; вся природа оживляется, всюду въ ней подымается все родственное человѣку. Съ молитвой онъ падаетъ на колѣни; онъ не мнитъ себя мудрымъ, онъ не считаетъ себя способнымъ познать источникъ и конечную цѣль

міра, но чувствуетъ, что нашель въ самомъ себѣ высшее назначеніе, зародышъ великихъ судьбъ, «сѣмена безсмертія». Это не простое мечтаніе, а живое убѣжденіе, вѣра, и, какъ все живое, опять творить жизнь. Въ герояхъ своего народа, въ своихъ святыхъ онъ видитъ «сверхчеловѣковъ», по выраженію Гёте, парящихъ высоко надъ землею; на нихъ онъ хочетъ походить, ибо и его тянетъ въ высь, и теперъ онъ знаетъ, изъ какого глубокаго колодца они черпали силу, чтобы стать великими... Вотъ это заглядываніе въ непроницаемую глубину собственной души, это порываніе въ высь и есть религія. Религія не имѣетъ ничего общаго ни съ суевѣріемъ, ни съ моралью; она есть состояніе духа. И потому, что религіозный человѣкъ находится въ непосредственномъ соприкосновеніи съ міромъ, стоящимъ внѣ области разсудка, потому самому онъ поэтъ и мыслитель; онъ сознательно дѣйствуетъ творчески; онъ безконечно трудится надъ неблагодарной Сизифовой работой сдѣлать невидимое видимымъ¹⁾, невысказанное возможнымъ; никогда мы не находимъ у него завершенную хронологическую космогонію и теогонію: для этого онъ унаслѣдовалъ слишкомъ живое чувство безконечнаго, его представленія вѣчно идутъ впередъ, никогда не замираютъ; старья замѣняются новыми; боги, въ одномъ вѣкѣ высоко чтимые, въ другомъ едва извѣстны по имени. И все-таки великія познанія прио-

¹⁾ Гердеръ прекрасно выразился по этому поводу: «Одинъ человѣкъ находится въ противорѣчій съ самимъ собою и съ природою; существо самое развитое изъ всѣхъ организмовъ—въ то же время наиболѣе неразвитое въ своемъ новомъ назначеніи. Онъ представляетъ, слѣдовательно, собою два міра, и въ этомъ сказывается кужущаяся двойственность его существа».

обрѣтаются прочно и никогда не пропадаютъ, и прежде всего основное познаніе, которое уже за нѣсколько тысячелѣтій до Христа Ригведа пытается выразить такъ: «мудрецы находили корни бытія въ своемъ сердцѣ». Это убѣжденіе въ XIX вѣкѣ выразилъ Гёте почти въ такихъ же словахъ:

Ist nicht der Kern der Natur
Menschen im Herzen.
(Развѣ сущность природы не заключена
У человѣка въ сердцѣ?)

Вотъ это религія! Именно этой способности, этого состоянія духа, этого инстинкта, заставляющаго искать сущность природы въ своемъ сердцѣ поразительнымъ образомъ недостаетъ у евреевъ. Они прирожденные рационалисты. Разсудокъ у нихъ сильно развитъ, воля развита въ громадной степени, напротивъ того сила фантазіи страшно ограничена. Свои скудные мифически-религіозныя представленія, даже свои заповѣди, обычаи, религіозныя предписанія—они всѣ безъ исключенія заимствовали отъ чужихъ народовъ, сократили ихъ до минимума и съ тѣхъ поръ сохраняли въ окаменѣломъ, неизмѣнномъ видѣ; творческій же элементъ, въ сущности внутренняя жизнь здѣсь отсутствуетъ почти вполне; къ безконечно богатой религіозной жизни арійцевъ религіозная жизнь евреевъ относится такъ же, какъ вышеупомянутые звуки языка (см. 41 стр., прим.), а именно какъ 2 къ 7. Вспомнимъ, какіе роскошные цвѣты дивныхъ религіозныхъ представленій и понятій, какое искусство и какая философія, благодаря грекамъ и германцамъ, выросли на почвѣ христіанства, и съ другой стороны зададимъ себѣ вопросъ — какими образами и

2
мыслями мнимо-религіозный еврейскій народъ между тѣмъ обогатилъ человѣчество? «Геометрическая этика» Спинозы (фальшивое мертворожденное примѣненіе гениальной и творчески-продуктивной мысли Декарта) представляется мнѣ кровавой ироніей морали Талмуда и во всякомъ случаѣ имѣеть еще менѣе общаго съ религіей, нежели десять заповѣдей Моисеевыхъ, вѣроятно, заимствованныхъ у египтянъ (или вавилонянъ)¹⁾. Нѣтъ, возбуждающая уваженіе сила еврейства лежитъ въ совершенно иной области. Объ этомъ я намѣренъ говорить сейчасъ. Но какимъ образомъ удалось однако отуманить нашъ разумъ до такой степени, чтобы заставить насъ считать евреевъ за религіозный народъ?

Прежде всего сами евреи искони увѣряли съ крайней горячностью и развязностью, что они «избранный народъ Божій»; даже такой свободомыслящій еврей, какъ философъ Филонъ, смѣло утверждаетъ, что одни евреи — «люди въ истинномъ смыслѣ слова»²⁾; добрые, глухие индо-германцы повѣрили имъ! Но какъ тяжело имъ пришлось, доказываетъ ходъ исторіи и сужденія ихъ выдающихся людей. Такая блаженная увѣренность стала возможной единственно благодаря христіанскимъ толкователямъ Писанія, которые всю исторію Іудей перестроили въ какую то теодицею, въ которой распятіе Христа образуетъ конечную точку. Даже Шиллеръ («Ниспосланіе Моисея») поясняетъ: «Провидѣніе сломило еврейскій народъ, лишь только онъ исполнилъ то, что ему предназначено было исполнить». Притомъ ученые не замѣчали страннаго факта,

¹⁾ См. главу 125 «Книги Смерти».

²⁾ У Graetz'a, безъ указанія мѣста.

что еврейство не оказало появленію Христа ни малѣйшаго вниманія, что древніе еврейскіе историки даже не упоминаютъ Его имени; надо замѣтить, что исторія этого своеобразнаго народа послѣ двухъ тысячелѣтій не пресѣклась: онъ продолжаетъ жить и даже процвѣтаетъ въ высокой степени; никогда еще, даже въ Александріи, судьба евреевъ не была такъ блестяща, какъ въ настоящее время. Вдобавокъ существуетъ еще третье предубѣжденіе, очевидно, исходившее изъ софистическихъ школъ Греціи, что монотеизмъ, т. е. представленіе о единомъ нераздѣльномъ Богѣ, долженъ быть симитомомъ высшей религіи, но это безусловно рационалистическое умозаключеніе; арифметика не имѣетъ ничего общаго съ религіей; монотеизмъ можетъ означать обѣднѣніе, равно какъ и облагороженіе религіозной жизни. Помимо того можно двояко отвѣтить на это роковое предубѣжденіе, болѣе чѣмъ что другое способствовавшее обманчивому представленію о религіозномъ превосходствѣ евреевъ: во-первыхъ, что евреи, покуда они составляли цѣльную націю и ихъ религія еще обладала искрой живой жизни, были не моно-, а политеистами: каждая область, каждое мелкое племя имѣло собственнаго бога; во-вторыхъ, что индоевропейцы на ихъ чисто-религіозномъ пути пришли къ гораздо болѣе возвышеннымъ представленіямъ о единомъ божествѣ, нежели жалкое, неказистое представленіе объ еврейскомъ Творцѣ вселенной ¹⁾).

¹⁾ Мы нѣтъ надобности приводить доказательства о политеизмѣ евреевъ: ихъ можно найти въ любомъ ученomъ сочиненіи и кромѣ того чуть не на каждой страницѣ Ветхаго Завѣта. Даже въ псалмахъ Давида призываются «всѣ боги» къ поклоненію Іеговѣ; Іегова является «единымъ Богомъ» для позднѣй-

Къ этимъ вопросамъ я буду имѣть случай возвращаться не разъ, а пока, надѣюсь, мнѣ удалось хоть немного пошатнуть предвзятую мысль относительно исключительной религіозности еврейства. Мнѣ кажется, отнынѣ всякій, кто будетъ читать сочиненія правовѣрнаго христіанина Неандера, скептически покачаетъ головой, встрѣтивши такія увѣренія, что явленіе Христа образуетъ центръ религіозной жизни евреевъ; оно было подготовлено во всемъ организмѣ этой религіи и народной исто-

шихъ евреевъ лишь настолько, насколько евреи (какъ мы узнаемъ отъ Филона) суть единственные люди въ истинномъ смыслѣ слова. Робертсонъ Смитъ (Robertson Smith), сочиненіе котораго «Religion of the Semites» («Религія семитовъ») считается самымъ основательнымъ въ научномъ смыслѣ, говоритъ, что монотеизмъ происходилъ не изъ первоначальной религіозной склонности семитическаго духа, а главнымъ образомъ являлся политическимъ слѣдствіемъ (!). По отношенію къ монотеизму индо-европейцевъ я замѣчу вкратцѣ слѣдующее. Брама индійскихъ мудрецовъ бесспорно высшая религіозная идея, какая когда-либо существовала; о чистомъ монотеизмѣ персовъ можно справиться у Дармштетера; но и греки находились на томъ же пути: по крайней мѣрѣ объ этомъ свидѣтельствуеетъ Курциусъ (Ernst Curtius): «Я узналъ много новаго, а именно какимъ храмомъ монотеизма былъ Олимпъ и какой нравственной мировой силой былъ Фидіевъ Зевсъ. Впрочемъ въ этомъ отношеніи можно сослаться на позднѣйшихъ изъ свидѣтелей: апостолъ Павелъ, говорить (Къ Римл. I, 21), что римляне знали, что Богъ одинъ. Отецъ церкви, блаж. Августинъ, доказываетъ въ своемъ сочиненіи «De Civitate Dei», что, по взглядамъ образованнѣйшихъ римлянъ его времени, Юпитеръ есть единый Богъ, а всѣ остальные боги лишь воплощеніе его «virtutes». Августинъ пользуется случаемъ, чтобы выяснитъ язычникамъ, что имъ не будетъ стоить никакого труда перейти къ вѣрѣ въ единаго Бога

ри какъ внутренняя необходимость; читая риторическія фразы вольнодумца Ренана: «Христіанство есть шедевръ еврейства, его слава, резюме его эволюціи»... «Исусъ весь цѣликомъ повторяется въ пророкъ Исаи» и т. п., этотъ же читатель только улыбнется съ нѣкоторымъ

и отречья отъ всѣхъ другихъ божествъ. И то, что говоритъ Августинъ для ученыхъ язычниковъ, свидѣтельствуетъ Тертуліанъ и по отношенію къ народу вообще: весь свѣтъ вѣрить, говоритъ онъ, только въ единого Бога и никогда не слышно, чтобы кто-нибудь зывалъ къ богамъ во множественномъ числѣ, а всегда только такъ: «Боже мой! Боже праведный! Какъ угодно Богу» и т. д. Въ этомъ Тертуліанъ видитъ доказательство, что душа по природѣ монотеистическая. Чтобы не осталось ничего неяснаго въ такомъ важномъ вопросѣ, надо прибавить, что Курцій, ап. Павелъ, блаж. Августинъ и Тертуліанъ—все ошибались въ основѣ, усматривая въ этихъ признакахъ доказательство монотеизма въ смыслѣ семитическаго материализма. Ихъ сужденіе затуманено здѣсь вліяніемъ христіанскихъ понятій. Представленіе о «божествѣ», которое мы находимъ въ санскритскомъ Брамѣ и въ греческомъ θεός, а также въ германскомъ Gott въ среднемъ родѣ, которое лишь въ позднѣйшія времена, подъ вліяніемъ христіанства, перешло въ слово «Богъ» мужского рода (см. Этногр. Словарь, Клуге) отнюдь не можетъ быть отождествлено съ еврейскимъ Творцомъ вселенной. То, что пишетъ проф. Э. Роде объ алинахъ, относится здѣсь ко всѣмъ аріяцамъ, еще нетронутымъ семитическимъ духомъ. «Ошибочно думать, что у грековъ была склонность къ монотеизму въ еврейскомъ смыслѣ... Греки признавали не единство божеской личности, а единство божеской сущности, единство божества, воплощаемого во многихъ богахъ». Крайне характерны въ этомъ отношеніи слова Дютера: «По творенію и по дѣламъ мы, христіане, одно съ турками; мы тоже говоримъ, что Богъ одинъ. Но мы говоримъ также: недостаточно, чтобы мы только вѣрили, что Богъ одинъ.

негодованием¹⁾). Но я боюсь, что онъ разразится гоме-
рическимъ хохотомъ, когда правовѣрный еврей Грець
станетъ увѣрять его, что ученіе Христа есть старое
еврейское ученіе только въ новомъ обликѣ, что тогда
наступило время, когда основныя истины еврейства, вся
полнота возвышенныхъ мыслей о Богѣ и святой жизни

1) «Histoire du Peuple d'Israël». Вся цѣлѣность этого мнѣ-
нія относительно Исаи еще ярче выясняется изъ того, что
самъ Ренанъ называетъ этого пророка «литераторомъ» и «жур-
налистомъ» и хвалитъ его, пространно доказывая, какую чисто
политическую роль игралъ этотъ выдающійся человѣкъ. «Нѣтъ
ни единой строки, вышедшей изъ-подъ его пера, которая не
служила бы злобамъ дня или интересамъ данной минуты». И въ
этомъ-то человѣкѣ будто бы заключалась личность Христа? Точно
также неосновательно (и не у одного Ренана) цитируютъ
извѣстные стихи изъ Исаи, съ цѣлью показать, будто юдаизмъ
стремился къ универсальной религіи. Напр. приводится стихъ
XLIX, 6, гдѣ Іегова говоритъ Израилю: «Я сдѣлаю тебя свѣ-
томъ народовъ, чтобы спасеніе Мое простерлось до концовъ
земли»; но при этомъ умалчивается, что далѣе въ той же
главѣ сказано, что язычники будутъ рабами евреевъ, что ихъ
цари и царицы падутъ передъ евреями ницъ и будутъ лизать
прахъ подъ ногами ихъ. И это возвышенная универсальная ре-
лигія! Точно также и въ постоянно цитируемой главѣ LX;
тамъ сперва говорится: «Придутъ народы къ свѣту твоему»,
а далѣе прибавлено съ похвальной откровенностью: «Народы
и царства, которые не захотятъ служить тебѣ, погибнуть, и
такіе народы совершенно истребятся». Далѣе язычникамъ по-
велѣвается все золото и всѣ сокровища свезти въ Іерусалимъ,
ибо евреи «навѣки наследуютъ землю». И подобные-то поли-
тические подстрекательные памфлеты осмѣливаются ставить въ
параллель съ ученіемъ Христа!

для каждого человѣка и для государства должны были хлынуть въ пустоту другихъ народовъ и принести имъ богатое содержаніе¹⁾.

Христосъ—не еврей.

Кто хочет созерцать явленіе Христа, тотъ пусть со-
 рветъ это покрывало съ глазъ своихъ. Ученіе Хри-
 ста не есть вѣнецъ еврейской религіи, а его отри-
 цаніе. Именно тамъ, гдѣ душа занимала самое незначи-
 тельное мѣсто въ религіозныхъ представленіяхъ,—тамъ
 и возникъ новый религіозный идеаль, который—въ про-
 тивоположность другимъ великимъ попыткамъ постиг-
 нуть внутреннюю жизнь — будь то въ мысляхъ, или
 въ образахъ,—училъ, что въ душѣ человѣческой заклю-

¹⁾ Часто говорили о томъ, что у евреевъ слабо развитъ юморъ; можетъ быть, это правда по отношенію къ единичнымъ личностямъ; какъ вамъ нравится эта «полнота» возвышенныхъ идей у невѣжественныхъ, лишенныхъ фантази толкователей Писанія и «пустота» хотя бы эллиновъ! Личность Христа Граць оцѣниваетъ слабо, высшая его похвала сводится къ слѣдующему: «Иисусъ, вѣроятно, былъ симпатичной, плѣнительной личностью, и оттого Его слово производило впечатлѣніе». Распятіе ученый бреславльскій профессоръ считаетъ «недоразумѣніемъ». О евреяхъ, перешедшихъ поздне въ христіанство, Граць говорить, что они это сдѣлали ради матеріальныхъ выгодъ и потому, что вѣру въ Распятіе они взяли въ придачу при куплѣ, какъ нѣчто несущественное. Неужели это такъ и до сихъ поръ? Что «бундъ» заключилъ съ Іеговой контрактъ съ обоюдными обязательствами, это мы уже знаемъ изъ Ветхаго Завѣта; но что можно купить у Христа—мнѣ неясно, такъ какъ Его примѣръ исключительно служить примѣромъ внутренняго, душевнаго перерожденія.

чается вся суть этой «жизни въ духѣ и истинѣ». Отношеніе къ еврейской религіи въ лучшемъ случаѣ могло быть понято въ смыслѣ реакціи; душа есть, какъ мы видѣли, первоначальный источникъ всякой истинной религіи; и именно этотъ источникъ былъ почти совершенно засоренъ у евреевъ ихъ формализмомъ, ихъ жестоко-серднымъ рационализмомъ. Къ нему-то и возвращается Христосъ. Немного есть вещей, которыя позволяютъ такъ глубоко заглянуть въ божественное сердце Христово, какъ именно Его отношеніе къ еврейскимъ религіознымъ законамъ. Онъ соблюдалъ ихъ, но безъ усердія и не придавая имъ значенія; и лишь только какой-нибудь законъ заграждалъ путь, по которому Онъ шествовалъ, Онъ устранялъ его не задумываясь, но также спокойно и безъ гнѣва: что тутъ общаго съ религіей! «Человѣкъ¹⁾ господинъ и субботѣ»: для еврея, конечно, единственно Іегова былъ господиномъ, а человѣкъ—Его холопомъ. О еврейскихъ законахъ относительно пищи (столь важный пунктъ ихъ религіи, что споры объ ихъ обязательности продолжались еще и въ первые вѣка христіанства), Христосъ говоритъ такъ: «Не то, что входитъ въ уста, оскверняетъ человѣка; но то, что выходитъ изъ устъ, оскверняетъ человѣка». — «Ибо извнутри, изъ сердца че-

¹⁾ Важно слѣдующее поясненіе къ выраженію: «Сынъ человѣческій». Мессіанское толкованіе выраженія «Сынъ человѣческій» беретъ начало отъ греческихъ переводчиковъ Евангелія. Такъ какъ Иисусъ говорилъ на арамейскомъ нарѣчій, то онъ сказалъ не ο υἱός υἱοῦ ἀνθρώπου, а barnascha. А это означаетъ «человѣкъ» и ничего больше; арамейцы не имѣютъ другого выраженія для этого понятія (Wellhausen: «Israelitische und jüdische Geschichte»).

ловѣческаго исходятъ злые помыслы... Все это извнутри исходить и оскверняетъ человѣка»¹⁾. То же самое можно сказать объ отношеніи Христа къ Писанію. Онъ говоритъ о немъ съ уваженіемъ, но безъ фанатизма. Замѣчательно, какъ Онъ пользуется Писаніемъ для своей цѣли; и надъ Писаніемъ Онъ чувствуетъ себя «господиномъ» и въ случаѣ надобности обращаетъ его въ противоположную сторону. «На сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждается весь законъ и пророки», говоритъ Онъ: «возлюби Господа своего и ближнихъ своихъ». Это звучитъ здѣсь почти какъ иронія, если подумать, что Христосъ ни единымъ словомъ не упоминаетъ о «страхѣ Божиѣмъ», который однако составляетъ (страхъ, а не любовь) основу всей еврейской религіи. «Страхъ Божій есть начало мудрости», поетъ псалмопѣвецъ. «Иди въ скалу и сокройся въ землю отъ страха Господа и отъ славы величія Его», восклицаетъ Исаія израильтянамъ, и даже Іеремія какъ будто позабылъ, что существуетъ законъ, по которому человѣкъ долженъ «возлюбить Господа Бога своего всѣмъ сердцемъ своимъ, всею душою своею, и всѣми силами своими»²⁾, и влагаетъ въ

? н.уд.

¹⁾ «Если человѣкъ нечистъ, то онъ таковъ потому, что говоритъ неправду», — такъ гласили правила о жертвоприношеніяхъ у арійскихъ индійцевъ еще за 1000 лѣтъ до Р. Хр. (Саптаата Врамана, I книга).

²⁾ Въ пятой книгѣ Моисеевой (Второзаконіе VI, 5) мы находимъ слова, во всякомъ случаѣ сходныя съ словами, произнесенными Христомъ (Матѣ. XXII, 37), но нельзя оставить безъ вниманія то, что говорится въ связи съ этими словами. Передъ заповѣдью любить (для нашего чувства уже странное представленіе: любить по приказанію) стоитъ первѣйшая и главнѣйшая заповѣдь: «Господа Бога твоего ты долженъ бояться и соблюдать всѣ Его постановленія и заповѣди»; заповѣдь о любви есть лишь заповѣдь между прочими, которыя еврей обязанъ соблю-

уста Иеговы такія слова къ своему народу: «Страхъ Мой вложу въ сердца ихъ, чтобъ они не отступали отъ Меня»; они должны бояться Бога всю жизнь свою, и только пока евреи боятся Его, Онъ не оставитъ ихъ своимъ милосердіемъ и т. д. Подобныя превращенія словъ Писанія мы

дать; вслѣдъ затѣмъ приведена и награда за эту любовь: «Господь обѣщалъ дать Ему больше и хорошіе города, которыхъ онъ не строилъ, съ домами, наполненными всякимъ добромъ, которыхъ онъ не наполнялъ, и колодезями, высѣченными изъ камня, которыхъ онъ не высѣвалъ, съ виноградниками и маслинами, которыхъ онъ не садилъ», и т. д. Это тотъ родъ любви которая въ наше время устраиваетъ не мало браковъ. Во всякомъ случаѣ «любовь къ ближнему» явилась бы въ своеобразномъ свѣтѣ, еслибъ не было извѣстно, что по еврейскому закону для еврея «ближнимъ» считается только другой еврей; въ той же книгѣ сказано дальше: «Ты истребишь всѣ народы, которые Господь Богъ твой дастъ тебѣ!» Этотъ комментарий къ заповѣди о любви къ ближнему дѣлаетъ излишними всѣ дальнѣйшія замѣчанія. Но чтобы не оставалось сомнѣнія насчетъ того, что именно евреи и позднѣе понимали подъ этимъ велѣніемъ любить Бога всѣмъ сердцемъ своимъ, я приведу еще комментарий Талмуда (Томахъ, 8) къ этому мѣсту закона: «Твое поведеніе должно быть таково, чтобы имя Воже было любимо тобою; а именно человѣкъ долженъ заниматься изученіемъ Священнаго Писанія и Мишны и имѣть общеніе съ учеными и мудрыми людьми; рѣчь его должна быть кроткой, остальное его поведеніе соответствующимъ; въ торговлѣ и сношеніяхъ съ другими людьми пусть онъ старается поступать честно и правдиво. Что скажутъ на это люди? Благо тому человѣку, который занимался изученіемъ Священнаго Писанія!» Въ книгѣ «Сота» іерусалимскаго Талмуда находимъ комментарий нѣсколько болѣе разумный, но такой же трезвый комментарий. Вотъ правовѣрное, еврейское толкованіе заповѣди: возлюби Господа твоего всѣмъ сердцемъ! Развѣ это не есть недостойная игра словами, когда хотятъ увѣрить, будто Христосъ говорилъ то же самое, что говорила Тора?

*

встрѣчаемъ у Христа во многихъ мѣстахъ. И если съ одной стороны мы видимъ Бога милосерднаго, то съ другой видимъ Бога жестокосерднаго ¹⁾; съ одной стороны видимъ ученіе любить Отца Небеснаго всѣмъ сердцемъ, а съ другой стороны видимъ слугъ, которымъ вмѣнено въ первѣйшую обязанность бояться Господа ²⁾. Поэтому позволительно спросить, что это должно означать, когда одно міровоззрѣніе называютъ созданиемъ, вънцомъ другого? Софизмъ это, а не истина. Самъ Христосъ сказалъ прямо: «Кто не со Мною, тотъ противъ Меня», и во всемъ мірѣ нѣтъ ни одного явленія, которое было бы такъ несомнѣнно «противъ Него», какъ еврейская религія, и какъ вообще весь взглядъ евреевъ на религію, съ самаго начала и до нынѣ. //

И все-таки въ этомъ отношеніи еврейская религія дала такую превосходную почву, какой не дала бы никакая другая для новаго религіознаго идеала, для новаго представленія о Богѣ.

То, что для другихъ означало бѣдность, стало для Христа источникомъ богатѣйшихъ даровъ. Ужасная, для насъ почти неостижимая пустыня еврейской жизни,— безъ искусства, безъ философіи, безъ науки,— жизни,

¹⁾ Правовѣрный еврей Монтефоре, «Религія древнихъ евреевъ» (Montefiore, «Religion of the ancient Hebrews», 1893), допускаетъ, что идея «Богъ есть любовь» не встрѣчается ни въ одномъ чисто-еврейскомъ сочиненіи ни въ какомъ періодѣ.

²⁾ Монтефоре и другіе авторы отрицаютъ, что отношенія Израиля къ Іеговѣ были отношеніями слугъ къ господину, а между тѣмъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ Писанія недвусмысленно говорится: «Слуги мнѣ дѣти израилявы, мои слуги, которыхъ я вывелъ изъ земли Египетской»; а въ буквальной переводѣ съ еврейскаго текста слѣдовало бы сказать рабы» (См. буквальный переводъ Louis Segond).

отъ которой наиболѣе одаренные евреи толпами бѣжали за границу, — была безусловно неизбѣжнымъ элементомъ для его простого, святого бытія. Душѣ та жизнь не давала почти ничего, ничего кромѣ семейной жизни. И вотъ, богатѣйшая душа, когда-либо существовавшая на землѣ, могла всецѣло углубиться въ самое себя и найти себѣ пищу исключительно въ глубинѣ собственнаго внутренняго существа. «Блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть Царствіе Небесное». Быть можетъ только въ такой пустынной средѣ и возможно было открыть этотъ поворотъ воли, какъ ступень къ новому идеалу человѣчества; только тамъ, гдѣ безощадно царилъ Богъ воинствъ, тамъ и возможно было возвысить предчувствіе небесъ въ увѣренность: «Богъ есть любовь».

Но самое важное вотъ что: особенный духовный складъ у евреевъ, отсутствіе у нихъ фантази, вследствие тираннической власти воли, привело ихъ къ своеобразному, отвлеченному матеріализму. Еврею, какъ матеріалисту, ближе всего, какъ и всѣмъ семитамъ, грубое идолопоклонство; постоянно мы видимъ, что они создавали себѣ кумировъ и благоговѣнно падали ницъ передъ ними; тысячелѣтняя борьба, которую вели противъ этого ихъ великіе люди, была героической страницей въ исторіи человѣческой воли. Но лишенная фантази сила воли, какъ это обыкновенно случается, хватила далеко за предѣлы пѣли: всякое изображеніе, зачастую даже всякое издѣліе рукъ человѣческихъ, таило въ себѣ, по мнѣнію ветхозавѣтнаго еврея, опасность стать идоломъ для поклоненія. Даже на монетахъ не разрѣшалось дѣлать изображенія головъ или аллегорическихъ фигуръ; даже на знаменахъ — никакихъ эмблемъ. Такъ и всѣ не-евреи

являются для евреевъ «идолопоклонниками». И отсюда, сказать мимоходомъ, возникло недоразумѣніе, продержавшееся до послѣднихъ годовъ XIX вѣка и даже теперь выяснившееся только для людей науки, а не для всей интеллигентной массы. Въ дѣйствительности семиты, по всей вѣроятности, единственные люди въ цѣломъ мѣрѣ, которые когда-либо были и могли быть настоящими идолопоклонниками. Ни въ одной отрасли индоевропейской семьи ни въ какую эпоху не было идолопоклонства.

Истые арійскіе индійцы, какъ и жители Ирана, никогда не имѣли ни изображеній боговъ, ни храма. Имъ былъ бы непонятенъ тотъ грубо матеріалистическій осадокъ, получившійся отъ семитической вѣры въ идоловъ и выразившійся въ еврейскомъ кивотѣ завѣта, съ его египетскими сфинксами. Ни германцы, ни кельты, ни славяне не поклонялись изображеніямъ. А гдѣ жилъ греческій Зевсъ? Гдѣ жила Афина? Въ поэзіи, въ фантазіи, на вершинѣ окутаннаго облаками Олимпа, но отнюдь не въ томъ или другомъ храмѣ. Въ честь бога Фидій создалъ свое безсмертное твореніе, въ честь боговъ создавались безчисленные изображенія, украшавшія каждый домъ, являясь живымъ напоминаніемъ высшихъ существъ. А евреямъ чудились идолы! Въ ихъ характерѣ преобладала воля, и они смотрѣли на всѣ предметы только съ утилитарной точки зрѣнія; чтобы можно было тѣшить свой взоръ чѣмъ-нибудь прекраснымъ, чтобы дать пищу душѣ, возбуждать религиозное сознаніе—этого они никакъ не могли постигнуть. Точно также позднѣе христіане смотрѣли на изображенія Будды, какъ на кумировъ: буддисты же не признаютъ никакого бога, а тѣмъ менѣе ido-

ла; эти статуи должны побуждать къ созерпанію и къ отреченію отъ міра. За послѣднее время этнографы начинаютъ сильно сомнѣваться, существуетъ ли еще на свѣтѣ такой первобытный народъ, который поклоняется своимъ такъ называемымъ фетишамъ, какъ богамъ. Прежде было такое предположеніе, теперь же обнаруживается во многихъ случаяхъ, что эти дѣти природы связываютъ со своими фетишами въ высшей степени сложные символическія представленія. Выходитъ какъ будто изъ всѣхъ людей лишь евреи умудрились фабриковать золотыхъ тельцовъ, мѣдныхъ змѣевъ и потомъ поклоняться имъ¹⁾. А такъ какъ въ то время израильтяне были гораздо развитѣе, чѣмъ въ настоящее время австралійскіе негры, то изъ этого можно заключить, что здѣсь причиной такихъ заблужденій можетъ быть не отсутствіе распознавательной способности, а какая-то односторонность ума: и эта односторонность не что иное, какъ ненормальное преобладаніе воли.

Воля, какъ таковая, всегда отличается недостаткомъ не только всякой фантазіи, но даже и сообразительности; ей свойственно только одно: устремляться на настоящее и схватывать его. Поэтому никогда ни одному народу не было такъ трудно, какъ евреямъ, подняться до возвышеннаго понятія о божествѣ, и никогда ни одному народу не было такъ трудно сохранить это понятіе въ чистотѣ. Но въ борьбѣ закаляются силы: наименѣе ре-

¹⁾ Едва ли нужно обращать вниманіе читателя на то, какими чисто символическими были формы культа у египтянъ и сирійцевъ, у которыхъ евреи заимствовали идею этихъ оригинальныхъ образовъ быка и змѣи.

религиозный народъ въ мірѣ въ своей скудости создалъ
 основу для новой, возвышенной идеи божества, ставшей
 общимъ достояніемъ всего культурнаго міра. Ибо на этой
 основѣ созидаль Христосъ; Онъ могъ это дѣлать, благо-
 даря окружающему «отвлеченному матеріализму». Въ
 иныхъ мѣстахъ религіи гложли среди обилія мифологій;
 здѣсь не было никакой мифологіи. Въ иномъ мѣстѣ Богъ
 имѣлъ столь ярко опредѣленную фizioномію, благодаря
 поэзии и изображеніямъ Онъ сталъ чѣмъ-то столь инди-
 видуальнымъ, что никто не могъ бы превратить его въ
 другого изо дня въ день; или же (какъ Брама въ Индіи)
 представленіе о Немъ мало-по-малу стало такъ возвы-
 шенно, что для новаго жизненнаго образа уже ничего
 не оставалось. Къ евреямъ не можетъ относиться ни то,
 ни другое: правда, Іегова былъ необыкновенно конкрет-
 нымъ, даже историческимъ представленіемъ, гораздо бо-
 лѣ осязательнымъ образомъ, нежели образъ, какой ко-
 гда-либо составляли себѣ арійцы, съ ихъ богатой фан-
 тазіей; но въ то же время его не смѣли вовсе изобра-
 жать ни въ образахъ, ни даже словомъ. Итакъ религіоз-
 ный гений человечества нашелъ здѣсь *tabula rasa*. Исто-
 рическаго Іегову Христу вовсе не нужно было уничто-
 жать, точно такъ же, какъ и еврейскій «законъ»; ни тотъ,
 ни другой не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ
 истинной религіи; но подобно тому, какъ Христосъ при
 помощи внутренняго «обращенія» въ корнѣ и осно-
 ваніи превратилъ такъ называемый ветхій законъ въ
 новый, точно такъ же Онъ воспользовался конкретной
 отвлеченностью еврейскаго Бога для того, чтобы дать
 міру совершенно новое представленіе о Богѣ. Говорятъ,
 объ антропоморфизмѣ! Да можетъ ли человекъ дѣйстви-

вать и думать иначе какъ антропосъ? Это новое пред- ставленіе о Божествѣ отличалось, однако, отъ другихъ возвышенныхъ созерцаній тѣмъ, что образъ Его не былъ нарисованъ ни блестящими красками символизма, ни развѣдающимъ грифелемъ мысли, а въ извѣстной степени отражался въ зеркалѣ внутри души для каждаго, кто имѣетъ глаза, чтобы видѣть, и являлся для него собственнымъ непосредственнымъ пережиткомъ. Конечно, такой новый идеаль не могъ возникнуть ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, а только лишь тамъ, гдѣ идея о Богѣ хранилась фанатически, но вмѣстѣ съ тѣмъ оставалась совершенно неразвитой.

До сихъ поръ мы разсматривали лишь то, что раздѣ- ляетъ Христа съ еврействомъ, или по крайней мѣрѣ что отличаетъ Его отъ еврейства. Какъ судьба Его, такъ и главное направленіе Его мысли тѣсно срослись съ еврейской жизнью и характеромъ. Онъ стоитъ неизмѣ- римо выше окружающей среды, но все-таки принадле- жить къ ней. Здѣсь надо принять въ соображеніе двѣ главныхъ черты еврейскаго національнаго характера: историческій взглядъ на религію и преобладаніе воли. Эти двѣ черты имѣютъ между собой родственную связь, какъ мы сейчасъ увидимъ. Первая именно оказала глу- бокое вліяніе на жизненную судьбу Христа и на судьбу воспоминанія о Немъ; во второмъ коренится Его нрав- ственное ученіе. Тотъ, кто не оставитъ безъ вниманія этихъ двухъ вещей, получитъ объясненіе по мно- гимъ глубочайшимъ и труднѣйшимъ вопросамъ въ исто- ріи христіанства и по многимъ неразрѣшимымъ внутрен- нимъ противорѣчіямъ нашихъ религіозныхъ преданій вплоть до нынѣшняго времени.

Историческая религія.

Изъ многихъ семитическихъ народностей только одна сохранилась какъ національная единица, а именно одна изъ самыхъ немногочисленныхъ и политически безсильныхъ; этотъ маленькій народецъ пережилъ всѣ бури и невзгоды и въ настоящее время представляетъ унику среди людей: безъ отечества, безъ главы, разсѣянный по свѣту, занесенный въ ряды различныхъ національностей и все-таки единодушный и сознающій свое единство. Это чудо сотворено одной книгой — Торой (со всѣмъ, что прибавлялось въ дополненіе къ ней съ теченіемъ времени и до нашихъ дней). Эта книга должна быть разсматриваема какъ выраженіе вполнѣ своеобразной народной души, которой въ критическій моментъ былъ указанъ этотъ опредѣленный путь нѣкоторыми выдающимися, сознающими свою цѣль людьми. Здѣсь я хочу только указать на то, что Ветхій Заветъ есть чисто историческое сочиненіе. Если оставить въ сторонѣ нѣкоторыя позднѣйшія и въ основѣ несущественныя добавленія, какъ напримѣръ «Притчи Соломоновы», каждая фраза въ этихъ книгахъ — историческая; также и все законодательство, въ нихъ содержимое, обосновано исторически или по крайней мѣрѣ въ видѣ лѣтописи связано съ описываемыми событіями: Господь говорилъ съ Моисеемъ, жертва Ааронова была сожжена Богомъ, сыновья Аарона были убиты во время дарованія законовъ и т. д. А когда требуется что-нибудь измыслить, то пишущій или прилетаетъ романической разсказъ, какъ въ книгѣ Іова, или пускается въ

В.

смѣлую поддѣлку исторіи, какъ въ книгѣ «Есеирь». Этимъ преобладаніемъ лѣтописнаго элемента Библия и отличается отъ всѣхъ другихъ извѣстныхъ священ- ныхъ книгъ. То, что въ ней содержится религіознаго, является составною частью какого-нибудь историче- скаго разсказа, а не наоборотъ; ея нравственные за- конны не выростають съ внутренней необходимостью изъ глубины человѣческаго сердца, а суть законы, изданные при опредѣленныхъ условіяхъ, въ извѣстные дни и каждую минуту могутъ быть отмѣнены. Бросимъ взглядъ для сравненія на арійскихъ индійцевъ: у нихъ часто вырываются вопросы о происхожденіи міра: «от- чего?» и «куда?»; однако это не существенная состав- ная часть ихъ душевнаго порыва къ Богу: эти вопросы о причинахъ не имѣютъ ничего общаго съ ихъ рели- гіей, и вмѣсто того, чтобы придавать имъ большой вѣсъ, пѣвцы гимновъ восклицаютъ почти иронически:

Кто слышалъ, откуда вышло мірозданіе?

Кто на негозираетъ съ высоты небесъ?

Кто создалъ міръ, или его не создалъ,

Не знаемъ! можетъ быть, не знаетъ тоже онъ?¹)

Точно такое же воззрѣніе выражалъ Гёте, кото- раго иногда называютъ «великимъ язычникомъ», хотя справедливѣе было бы назвать его великимъ арійцемъ: X В. «Живой вопросъ о причинахъ весьма вреденъ». Въ этомъ же родѣ говоритъ современный нѣмецкій естествоиспы- татель Адольфъ Бастианъ: «Въ безконечномъ нельзя

¹) Ригведа, X, 129, 7.

искать новаго конца, т. е. начала. Какъ бы далеко мы ни отодвинули возникновеніе вселенной, все же вопросъ о самомъ первомъ, о началѣ началъ, остается открытымъ»¹⁾. Совѣмъ иначе чувствовали еврей. Онъ зналъ о сотвореніи міра въ точности всю подноготную, въ родѣ того, какъ въ наше время знаютъ дикіе индѣйцы Южной Америки или австралійскіе негры. Но у него это не было, какъ у дикарей, слѣдствіемъ недостаточнаго просвѣщенія, и глубоко проникающій въ душу меланхолическій вопросительный знакъ арійскаго пастуха никогда не могъ занимать мѣста въ его литературѣ: ему это запрещала властная воля, — эта самая воля при помощи фанатическаго догматизма тотчасъ же отвергала всякій скептицизмъ, который не могъ не проявляться у такого высокоодареннаго народа (см. «Екклесіастъ» или «Книгу Проповѣдника»): «Кто хочетъ вполнѣ владѣть сегодняшнимъ днемъ, тотъ долженъ овладѣть и вчерашнимъ днемъ, выросившимъ сегодняшній». Матеріализмъ рушится, какъ только становится непослѣдовательнымъ; этому научилъ еврея нецогрѣшимый инстинктъ; и подобно тому, какъ наши современные матеріалисты знаютъ, какъ отъ движенія атомовъ происходитъ, рождается и дѣйствуетъ мысль, такъ и еврей зналъ, какъ Богъ сотворилъ міръ, какъ Онъ создалъ человѣка изъ комка глины. Но этого еще мало: Еврей взялъ мифологію, съ которыми познакомился въ своихъ странствіяхъ, свелъкъ съ нихъ по возможности все мифологическое и прицорвилъ ихъ къ

---

¹⁾ Adolf Bastian, извѣстный этнологъ, въ своемъ сочиненіи «Das Beständige in den Menschenrassen».

конкретнымъ историческимъ событіямъ ¹⁾. Далѣе слѣдуетъ верхъ искусства: изъ скуднаго матеріала, общаго всѣмъ семитамъ, еврей построилъ цѣлую міровую исторію и сейчасъ же самого себя поставилъ въ центрѣ ея; начиная съ того момента, какъ Іегова заключилъ сдѣлку съ Авраамомъ, судьба Израиля составляетъ всемірную исторію, — да, исторію всего космоса, единственное, о чемъ заботится Творецъ міра. Кругъ суживается какъ будто все болѣе и болѣе; наконецъ остается только центръ — «я»; воля побѣдила. Конечно, сдѣлалось это не въ одинъ день, а постепенно; настоящее еврейство, т. е. Ветхій Заветъ въ его теперешнемъ видѣ, окончательно сформировалось и упрочилось лишь по возвращеніи изъ плѣна Вавилонскаго. И вотъ тогда то стали сознательно примѣнять и разрабатывать то, что раньше совершилось съ бессознательной гениальностью: установленіе связи между прошлымъ, будущимъ и настоящимъ такимъ образомъ, чтобы каждый отдѣльный моментъ образовалъ отпавный пунктъ на прямомъ, какъ стрѣла, пути, по которому долженъ былъ шествовать еврейскій народъ и съ котораго онъ отнынѣ не могъ уже уклоняться ни вправо, ни влево. Въ прошломъ — чудеса Божіи въ пользу евреевъ, а въ будущемъ — ожиданіе Мессіи и владычество надъ міромъ: вотъ два дополняющихъ другъ друга элемента этого воззрѣнія на исторію. Преходящій моментъ получилъ своеобразно живое значеніе благодаря тому, что на него смотрѣли, какъ на выросшій изъ прошлаго въ видѣ награды или наказанія, и считали

---

¹⁾ Иностранныя мифологіи превращаются въ рукахъ семитовъ въ плоскіе историческіе рассказы (Ренанъ: «Israël»).

его въ точности. предсказанн и пророческихъ. Вслѣдствіе этого и будущее но. чиз. слышанъ, о реальность: казалось, его можно осязать руками. Когда безчисленныя обѣщанія и предсказанія не сбывались ¹⁾, то это всегда легко было объяснить; воля неблагоприятна, она не выпускаетъ того, что у нея въ рукахъ, хотя бы это былъ призракъ; чѣмъ меньше до сихъ поръ исполнилось, тѣмъ богаче представлялось будущее; и такъ многое имѣется записаннымъ чернымъ на бѣломъ (а именно въ легендѣ объ Исходѣ), что не могло явиться никакихъ сомнѣній. То, что называютъ вѣру евреевъ въ букву закона, совсѣмъ иная вещь, чѣмъ догматическая; вѣра христіанъ: это не вѣра въ отвлеченныя, непостижимыя уму тайны или въ разныя міеологическія представленія, а наоборотъ въ нѣчто вполне конкретное, историческое. Отношеніе евреевъ къ ихъ Богу съ самаго начала было политическимъ ²⁾.

Иегова обѣщаетъ имъ господство надъ міромъ при извѣстныхъ условіяхъ; и знаніе ихъ исторіи такое чудо замысловатой структуры, что евреи, несмотря на самую горемычную, жалкую участь (т.-е. цѣлаго народа), какая только извѣстна въ лѣтописяхъ міра, -- причеиъ они лишь одинъ единственный разъ, а именно при Давидѣ и Соломонѣ, наслаждались полустолѣтіе относительнымъ благосостояніемъ и порядкомъ -- все-таки представляютъ себѣ свое прошлое въ самыхъ блестящихъ краскахъ, всюду видягъ охраняющую десницу Божию, распростергую надъ

¹⁾ Напримѣръ, первое обѣщаніе Аврааму: «Землю Ханаанскую я отдамъ тебѣ въ вѣчное владѣніе».

²⁾ См. Robertson Smith, «The Prophets of Israël».

нимъ какъ надъ единственнымъ народомъ, надъ единственнымъ источникомъ смысла слова», — всюду, словомъ, находятъ историческія доказательства истины ихъ вѣры, изъ чего они почерпаютъ затѣмъ увѣренность, что еще сбудется въ полной мѣрѣ все обѣщанное нѣскольکو тысячелѣтій тому назадъ Аврааму. Но, какъ сказано, божественное обѣщаніе было связано съ извѣстными условіями. Нельзя было ни ходить по своему дому, ни ѣсть, ни гулять въ полѣ, не вспоминая сотню разныхъ заповѣдей, отъ выполненія которыхъ зависѣла судьба націи¹⁾. Какъ говорится у псалмопѣвца: «Въ законѣ Господа воля Его, и о законѣ Его размышляетъ онъ день и ночь».

У насъ человѣкъ каждые два года бросаетъ избирательный бюллетень въ урну; онъ едва знаетъ или даже вовсе не знаетъ, что жизнь его имѣетъ еще какое-то національное значеніе; еврей же никогда не можетъ этого забыть. Его Богъ обѣщаль ему: «Никакой народъ не устоитъ передъ тобой, и ты истребишь ихъ всѣхъ», но тотчасъ же прибавляетъ: «Всѣ заповѣди, которыя Я даю тебѣ, ты обязанъ соблюдать!» Такимъ образомъ Богъ вѣчно жилъ въ ихъ сознаніи. Кромѣ матеріальной соб-

¹⁾ Въ «Сипуримѣ», сборникѣ еврейскихъ народныхъ сказокъ и разсказовъ, часто упоминается, что заурядный (неученый) еврей обязанъ знать наизусть шестьсотъ тринадцать законовъ. Талмудъ же содержитъ тринадцать тысячъ шестьсотъ законовъ, соблюденіе которыхъ есть заповѣдь Вошіа. См. д-ра Эм. Шрейбера: «Талмудъ съ точки зрѣнія современнаго еврейства» (Dr Emanuel Schreiber: «Der Talmud vom Standpunkte des modernen Judenthums»).

ственности, еврею въ сущности было все запрещено; поэтому всѣ помышленія его были направлены единственно къ наживѣ; только отъ Бога онъ надѣялся получить наживу. Кто никогда раньше не давалъ себѣ отчета въ этихъ обстоятельствахъ, здѣсь бѣгло намѣченныхъ, тому трудно составить себѣ понятіе, какую поразительную яркость получала при такихъ условіяхъ идея о Богѣ. Правда, еврей не смѣлъ представить себѣ Бога; но его дѣйствія, его реальное ежедневное вмѣшательство въ судьбы міра было въ нѣкоторой степени дѣломъ опыта; вѣдъ вся нація жила этимъ; размышлять объ этомъ было ихъ единственнымъ духовнымъ занятіемъ.

Въ такой-то средѣ выросъ Христосъ; изъ этой среды онъ никогда не выходилъ. Благодаря своеобразному взгляду евреевъ на исторію, Онъ пробудился къ сознанию всеобъемлющаго арійскаго культа природы и своего исповѣданія *tat-twan asi* (и ты еси таковъ), въ самомъ очагѣ чистаго антропоморфизма, гдѣ все мірозданіе существовало только для человѣка, а всѣ люди только для одного избраннаго народа, слѣдовательно въ непосредственной близости къ Богу и къ Провидѣнію Божію. Онъ нашелъ въ Іудеѣ то, чего не могъ бы найти нигдѣ въ цѣломъ мірѣ: готовую систему строительныхъ лѣсовъ, которыми обозначалось, гдѣ Онъ могъ соорудить свою новую идею о Богѣ и о религіи. Отъ собственно еврейской идеи послѣ земной жизни Іисуса не осталось ничего; какъ по окончаніи постройки храма, можно было убрать лѣса. Однако они сослужили службу, и выстроить безъ лѣсовъ было бы немислимо. О томъ Богѣ, у котораго просятъ хлѣба насущнаго, могли помышлять лишь тамъ, гдѣ Богъ обѣщаль человѣку земныя блага; о прощеніи грѣ-

ховъ можно было молить лишь Того, Кто издалъ опредѣленные законы... Я боюсь однако быть невѣрно понятымъ, если стану пускаться въ такія частности; достаточно, если я дамъ общее понятіе объ этой своеобразной атмосферѣ Іудей, и тѣмъ способствовалъ выводу, что идеальнѣйшая религія не обладала бы такой жизненной силой, еслибъ она не была связана съ наиболѣе реалистической, вещественной и, мы спокойно можемъ сказать, — самой матеріалистической въ цѣломъ мірѣ. Этимъ путемъ, а не вслѣдствіе своей мнимой высокой религіозности, еврейство стало религіозной міровой силой.

Дѣло станетъ еще яснѣе, лишь только мы разсмотримъ вліяніе этой исторической вѣры на судьбу Христа.

Самая мощная личность можетъ дѣйствовать лишь тогда, когда ее понимаютъ. Хотя бы это пониманіе было съ пробѣлами, хотя бы оно даже было иной разъ прямымъ недоразумѣніемъ, но какая-либо общность чувства и мысли должны установиться связующимъ звеномъ между личностью проповѣдника и толпой. Тѣ тысячи, что слушали нагорную проповѣдь, навѣрное не понимали Христа; да и какъ могли они понимать? То былъ народъ бѣдный, подавленный вѣчной войной и возмущеніями, систематически одурачиваемый своими священниками; могущество слова Христова затронуло, однако, въ сердцахъ наиболѣе одаренныхъ изъ нихъ ноту, которая не прозвучала бы нигдѣ въ другомъ мѣстѣ на землѣ: не есть ли этотъ Мессія, обѣщанный избавитель отъ нашихъ бѣдъ и горя? Какая громадная сила заключалась въ одной возможности такого представленія! Тотчасъ же связали мимолетное неясное настоящее съ самымъ далекимъ прошлымъ и съ несомнѣннымъ будущимъ, вслѣдствіе

чего настоящій моментъ получилъ вѣчное значеніе. Что Мессія, ожидаемый евреями, отнюдь не имѣлъ того характера, который придаемъ этому понятію мы, индоевропейцы, — это уже второстепенно¹⁾.

Эта идея существовала, существовала исторически мотивированная вѣра, что каждую минуту можетъ и

---

¹⁾ Даже такой правотѣрный церковникъ, какъ Стантонъ (Stanton), допускаетъ, что представленіе евреевъ о Мессіи было всецѣло политическое («The Jewish and the Christian Messiah», 1886). Известно, что теологія за послѣднее время много занималась исторіей представленій о Мессіи. Для насъ, людей непосвященныхъ, всего важнѣе доказательство, что христіане, введенные въ заблужденіе специфически галилейскими и самарянскими лже-ученіями, придавали ожиданію Мессіи такой смыслъ, какого оно у евреевъ въ дѣйствительности никогда не имѣло. Произвольное толкованіе древнихъ пророковъ искони возбуждало негодованіе еврейскихъ ученыхъ; теперь же и христіане допускаютъ, что по крайней мѣрѣ пророки до временъ изгнанія (а это самые великіе) ничего не знали объ ожиданіи Мессіи (См., напр., Paul Volz: «Die vorexilische Jahverprophetie und der Messias», 1897); Ветхій Заветъ даже не знаетъ этого слова, и одинъ изъ самыхъ выдающихся теологовъ нашего времени Лагардъ (Paul Lagarde) обращаетъ вниманіе на то, что выраженіе «maschiach» вообще не есть коренное еврейское, а лишь позднѣе заимствованное изъ Ассиріи или Вавилона («Deutsche Schriften»). Особенно поразительно, какъ это представленіе о Мессіи, — тамъ, гдѣ оно вообще существовало — безпрестанно мѣняло образъ: то долженствовалъ придти второй царь Давидъ, то приходъ Мессіи имѣлъ цѣлью вообще мировое господство евреевъ, то наконецъ самъ Богъ со своимъ небеснымъ судилищемъ придетъ нанести конечный ударъ всѣмъ властителямъ земли и дать народу Израилеву вѣчное господство — всеобъемлющее царство, въ которомъ примуть участіе всѣ возставшіе изъ мертвыхъ праведники прежнихъ временъ, тогда

долженъ появиться съ небеси Спаситель. Ни въ какомъ другомъ мѣстѣ на землѣ ни одинъ человекъ не могъ бы имѣть такого, хотя бы основаннаго на недоразумѣннн, предчувствія о міровомъ значеніи Христа. Спаситель остался бы человекомъ между людьми. И въ этомъ смыслѣ я нахожу, что тѣ тысячи, что вскорѣ послѣ того кричали: «Расни Его, расни Его!» обнаружили

какъ еретики будутъ преданы вѣчному позору (См. Karl Müller: «Kirchengeschichte»). Другіе евреи опять-таки спорятъ: будетъ ли Мессія Бенъ-Давидомъ, или Бенъ-Иосифомъ; многіе думаютъ, что ихъ будетъ два, или что онъ родится въ римской Діаспорѣ; но нигдѣ и никогда не возникала мысль о страдающемъ Мессіи, избавляющемъ людей своею смертію (См. Stanton). Лучшіе, наиболѣе образованные и благочестивые евреи вообще никогда не пускались на подобныя апокалипсическія и фантастическія измышленія. Въ Талмудѣ мы читаемъ: «Между теперешнимъ временемъ и временемъ Мессіи не будетъ никакого различія, кромѣ того, что тогда прекратится гнѣтъ, подъ которымъ изнываетъ Израиль» (Напротивъ того въ трактатѣ «Санхедринъ» вавилонскаго Талмуда мы видимъ страшную путаницу и вздорность различныхъ представленій о Мессіи). Мнѣ кажется, въ вышеприведенныхъ изслѣдованіяхъ я коснулся самой сути вопроса: при религіи исключительно исторической, какова еврейская, вѣрное обладаніе будущимъ такая же непрежѣнная необходимость, какъ вѣрное обладаніе прошлымъ. Съ самыхъ раннихъ временъ мы видимъ, это эта мысль о будущемъ воодушевляла евреевъ; она воодушевляетъ ихъ и теперь; подъ вліяніемъ окружающаго, бѣдный фантазіей народъ придавалъ своимъ ожиданіямъ различныя формы; но важно одно лишь твердое, какъ скала, убѣжденіе, никогда не покидавшее евреевъ, что они когда-нибудь будутъ владѣть міромъ. Это составная часть ихъ характера, въ этомъ видимо сказывается ихъ внутреннее существо. Это замѣняетъ имъ ми-
ологію.

*

столько же смысла, какъ и тѣ, что благоговѣнно слушали нагорную проповѣдь. Пилать, вообще суровый, жестокій судья, не могъ найти въ Христѣ никакой вины ¹⁾. Въ Элладѣ и въ Римѣ его почитали бы, какъ святаго чловѣка. Еврей, напротивъ, жившій одиноко въ исторіи и которому «языческое» понятіе о нравственности и святости было чуждо, такъ какъ онъ зналъ одинъ лишь «законъ» и соблюдалъ этотъ законъ опять-таки ради совершенно практическихъ цѣлей, а именно чтобы не навлечь на себя Божій гнѣвъ и чтобы обезпечить свою историческую будущность, — еврей смотрѣлъ на такое событіе, какъ явленіе Христа, съ чисто исторической точки зрѣнія и по справедливости долженъ былъ бѣсноваться, когда обѣщанное ему царство, для пріобрѣтенія котораго онъ такъ много вѣковъ страдалъ и терпѣлъ, ради обладанія которымъ онъ разобидился отъ всѣхъ людей на землѣ, всѣмъ сталъ ненавистенъ и всѣми презираемъ, когда это царство, въ которомъ онъ надѣялся видѣть всѣ народы поработенными себѣ, всѣхъ государей колѣнопреклоненными передъ собою во прахѣ, — вдругъ превратилось изъ земного въ «царство не отъ міра сего». Иегова часто обѣщаль своему народу, что онъ «не обманетъ его», и еврею это могло показаться обманомъ. Не только одного, но многихъ они подвергли казни, потому что ихъ принимали за обѣщанныхъ Мессій, или они сами выдавали себя за таковыхъ. И по праву, ибо вѣра въ будущее была такимъ же стол-

---

¹⁾ Тертуллианъ дѣлаетъ по этому поводу восхитительно-наивное замѣчаніе: «Пилать былъ уже христіаниномъ въ глубинѣ сердца» («Апологетъ», XXI).

помъ ихъ народной идеи, какъ вѣра въ прошлое. И вдругъ появилось это галилейское лжеученіе! Въмѣсто издревле освященнаго, упорнаго материализма вдругъ водрузилось знамя идеализма! Богъ мщенія и войны превратился въ Бога любви и мира! Необузданную волю, простиравшую обѣ руки къ злату всего міра, — Христосъ училъ, чтобы она бросила все, чѣмъ обладаетъ, и искала сокровища, зарытаго въ собственной душѣ! Еврейскій синедріонъ былъ дальновидиѣ Пилата и тысячъ христіанскихъ теологовъ. Не съ полной сознательностью — нѣтъ, навѣрное нѣтъ, — а съ безошибочнымъ инстинктомъ, присущимъ чистой расѣ, синедріонъ схватилъ Того, Кто подорвалъ всю историческую основу еврейской жизни, уча людей: «Не печитесь о завтрашнемъ днѣ», Того, Кто въ каждомъ своемъ словѣ, въ каждомъ поступкѣ являлся противоположностью еврейства, и не выпустилъ Его изъ рукъ до тѣхъ поръ, пока Онъ не предаль духа своего. И только смертью Христа судьба свершилась, примѣръ былъ преподанъ. Ученіями не могло быть основано новой вѣры; въ благородныхъ, мудрыхъ, нравственныхъ ученіяхъ не было въ то время недостатка, и ни одно ничего не могло подѣлать съ людьми; требовалась прожитая жизнь, и чтобы эта жизнь тотчасъ же въ качествѣ всемірно-историческаго подвига включена была въ міровую исторію. Только еврейская среда соотвѣтствовала этимъ условіямъ. И точно такъ же, какъ жизнь Христа могла быть прожита только при помощи еврейства, не смотря на то, что она была его отрицаніемъ, такъ и молодая христіанская церковь развила цѣлый рядъ древнихъ, арійскихъ представленій — о грѣхѣ, о спасеніи, о будущей жизни, о помилваніи и т. д. (все вещи, незнакомыя

евреямъ и оставшіяся имъ незнакомыми) — въ ясныя, видимыя формы, уложивъ ихъ въ еврейскую историческую схему¹⁾. Никогда не удастся совершенно освободить явленіе Христа отъ этой еврейской основной ткани: были такія попытки въ первые вѣка христіанства, но безъ успѣха. Такимъ путемъ только изгладились тѣ многочисленные черточки, въ которыхъ выражается своеобразность личности, и осталась лишь одна отвлеченность²⁾. Еще глубже вліяніе второй черты характера.

Воля у евреевъ.

Мы видѣли, что то, что я назвалъ историческимъ инстинктомъ евреевъ, въ основѣ зиждется на ненормально развитой волѣ. Воля достигаетъ у евреевъ такого пре-

¹⁾ Многъ о грѣхопадѣніи, правда, стоитъ въ началѣ первой книги Моисея, однако, очевидно, попалъ туда условно, такъ какъ евреи не понимали его и онъ не находилъ примѣненія въ ихъ системѣ. Кто не преступаетъ закона, тотъ, по ихъ взгляду, безгрѣшенъ. Столь же мало общаго имѣютъ ихъ ожиданіе Мессіи съ нашимъ представленіемъ объ «искупленіи».

²⁾ Это ученіе гностиковъ; оно находитъ наиболѣе продуманное, благородное выраженіе у Маркіона (въ половинѣ II вѣка), который былъ проникнутъ, какъ никто изъ послѣдующихъ религіозныхъ учителей, тѣмъ «новымъ», что заключалось въ христіанскомъ идеалѣ. Но именно на такомъ примѣрѣ всего удобнѣе убѣдиться, какъ опасно игнорировать данныя исторіи (См. любую исторію церкви). Кстати я долженъ предупредить любознательнаго читателя, что въ трехъ строкахъ, посвященныхъ проф. Ранке («Всемирная Исторія») этому истинно великому человѣку, нѣтъ ни слова изъ того, что бы слѣдовало сказать (См. Ranke, «Weltgeschichte», II, 171).

обладанія, что она господствуетъ и властвуетъ надъ всеми другими склонностями. Вслѣдствіе этого съ одной стороны получается нѣчто необычайное—подвиги, недоступные для другихъ людей, съ другой же стороны—разнообразныя ограниченія. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что такое же преобладаніе воли мы всюду встрѣчаемъ и у Христа.—Онъ часто обнаруживалъ себя евреемъ въ отдѣльныхъ проявленіяхъ, но быть вполнѣ евреемъ тамъ, гдѣ исключительно главную роль играетъ воля. Эта черта проникаетъ необычайно глубоко и развѣтвляется въ разныя стороны, какъ кровеносные сосуды, проникая, до малѣйшаго слова, до малѣйшаго представленія. При помощи одного сравненія я надѣюсь вполнѣ выяснитъ свою мысль.

Разсмотримъ эллинское представленіе о божескомъ и о человѣческомъ и объ ихъ отношеніи между собою. Одни боги сражаются за Троя, другіе — за ахейцевъ; если я склоню на свою сторону одну часть божества, то оттолкну отъ себя другую; жизнь есть борьба, игра; благороднѣйшій можетъ погибнуть, а гнуснѣйшій побѣдитъ; нравственность есть въ извѣстной степени личное дѣло, человѣкъ—господинъ своей собственной души, а не своей судьбы; пекущагося, награждающаго и карающаго Провидѣнія не существуетъ вовсе. Даже боги—и тѣ не свободны; самъ Зевсъ долженъ преклоняться передъ Рокомъ. «Уклониться отъ предначеченнаго Рока—невозможно даже и для бога», пишетъ Геродотъ. Тотъ народъ, который создалъ Илиаду, даетъ впослѣдствіи великихъ естествоиспытателей и великихъ мыслителей. Ибо кто взираетъ на природу открытыми глазами, неослѣпленными себялюбіемъ, тотъ всюду уви-

дѣтъ, что въ ней управляетъ извѣстный законъ; законность эта на нравственной почвѣ называется судьбой у художника и предопредѣленіемъ у философа. Для вѣрнаго наблюдателя природы мысль о произволѣ является почти непостижимой; даже на Бога онъ не можетъ рѣшиться возвести поклена, что Онъ дѣлаеть что хочетъ; вѣрнѣе, что Онъ дѣлаеть, что нужно.

Это мировоззрѣніе прекрасно выражено Гёте въ его отрывкѣ объ Ахилесѣ:

Произволъ во вѣкъ ненавидать и боги и люди,
 Когда онъ въ дѣлахъ и словахъ проявляется,
 И какъ бы высоко мы ни стояли, но изъ вѣчныхъ боговъ
Темидѣ вѣчная одна должна пребывать и людьми управлять¹⁾.

Наоборотъ, еврейскаго Іегову можно считать воплощеніемъ произвола. Безъ сомнѣнія, такое понятіе о жестествѣ особенно поражаетъ насъ въ псалмахъ и у пророка Исаи; въ то же время онъ является для своего избраннаго народа—источникомъ возвышенной, серьезной морали. Каковъ Іегова—таковъ Онъ и есть, потому что хочетъ быть такимъ; Онъ стоитъ превыше всей природы, превыше всякаго закона, Онъ неограниченный, безусловный повелитель. Если Ему угодно избрать маленькій народецъ изъ всего человѣчества и оказываетъ Ему милости,—

¹⁾ Темидѣ у насъ, современныхъ людей, опустилась до степени аллегоріи безпристрастнаго правосудія, т. е. безусловно произвольнаго соглашенія, и соотвѣтственно этому изображается съ завязанными глазами; во времена же міеологіи она представляла собою дѣйствіе закона во всей природѣ, и древніи извѣстныи изображаютъ ее съ большими, широко раскрытыми глазами!

Онъ это дѣлаеть; угодно Ему мучить его, Онъ посылаетъ Ему рабство; угодно Ему, напротивъ, дарить ему дома, которыхъ онъ не строилъ, виноградники, которыхъ не насаждалъ, — Онъ дѣлаеть и это, истребляя невинныхъ владѣльцевъ—Θемида здѣсь отсутствуетъ. То же видимъ мы и въ законодательствѣ Божіемъ. Наряду съ нравственными заповѣдями, отчасти дышащими высокой моралью и человѣчностью, стоятъ прямо-таки безнравственные и безчеловѣчныя ¹⁾; другія, напротивъ, содержатъ самыя мелочныя предписанія: что должно ѣсть и чего не должно, какъ мыться и т. д., словомъ, всюду царитъ неограниченный произволъ. Кто заглянетъ поглубже въ корень, тотъ не можетъ не замѣтить здѣсь сродства между первобытно семитическимъ идолопоклонствомъ и вѣрою въ Іегову. Съ индо-европейской точки зрѣнія Іегову можно назвать въ сущности скорѣе идеализированнымъ кумиромъ, или, если угодно, анти-кумиромъ, чѣмъ Богомъ... Но это понятіе о божествѣ содержитъ въ себѣ еще нѣчто, что точно такъ же, какъ и произволъ, нельзя было заимствовать изъ наблюденія природы: мысль о Провидѣніи! По Ренану, «преувеличенная вѣра въ особенное Провидѣніе составляетъ основу всей еврейской религіи» ²⁾.

Кромѣ того, съ этой свободой божества тѣсно связана другая: свобода человѣческой воли. *Liberum arbitrium*

¹⁾ Въ числѣ многихъ повелѣній Божіихъ, подстрекавшихъ на хищническіе набѣги съ массовыми избиеніями, причѣмъ головы младенцевъ разбивались о камни, были случаи, когда повелѣвалось каждому предательски убивать «брата своего, друга своего и ближняго своего» (Исх. XXXII, 27), или издавались возбуждающіе отвращеніе приказы, какъ повѣствуется у Іезекіиля IV, 12—15.

²⁾ «Histoire du peuple d'Israël».

рѣшительно семитическое, а въ его полномъ развитіи— чисто еврейское представленіе; оно неразрывно связано съ особой идеей о Богѣ¹⁾. Свобода воли означаетъ ни больше, ни меньше, какъ вѣчно повторяемые акты творенія; если въ это вникнуть, то можно понять, что это предположеніе (насколько это касается области явленій) противорѣчитъ не только физической наукѣ, но и всякой метафизикѣ и означаетъ отрицаніе всякой трансцендентальной религии. Здѣсь познаніе и воля находятся въ рѣзкомъ разладѣ между собой. Всюду, гдѣ мы встрѣчаемъ ограниченія этого понятія о свободѣ: у блаженнаго Августина, у Лютера, у Вольтера, у Гёте,—мы можемъ быть увѣрены, что тамъ имѣетъ мѣсто индо-европейская реакція противъ семитическаго духа. Такъ, напримѣръ,

¹⁾ Съ какимъ чрезвычайно логическимъ фанатизмомъ раввины до сихъ поръ отстаиваютъ безусловную, а вовсе не метафизически понимаемую свободу воли,—можно прослѣдить въ любой исторіи еврейства. Дидра говоритъ: «Евреи такъ ревниво стоятъ за эту свободу, что воображаютъ, будто невозможно мыслить объ этомъ предметѣ иначе, чѣмъ они» («Les juifs sont si jaloux de cette liberté d'indifférence, qu'ils s'imaginent qu'il est impossible de penser sur cette matière autrement qu'eux»). И до какой степени этотъ взглядъ связанъ съ понятіемъ о свободѣ Божества и Провидѣнія, ясно видно изъ той бури, какую поднялъ Маммонидъ, выразивъ мысль, что дѣйствіе божественнаго Провидѣнія ограничивается однимъ человѣчествомъ, и утверждая, что не каждый листочекъ колышется по Его велѣнію, не каждый червякъ появляется на свѣтъ по Его волѣ. Изъ такъ называемыхъ основныхъ положеній знаменитаго талмудиста рабби Акиба первая двѣ гласятъ: 1) Все и вся находится подъ надзоромъ провидѣнія Божія. 2) Свобода воли предполагается. Hirsh Graetz, «Gnosticismus und Judenthum», 1846, с. 91/

Кальдеронъ въ «Великой Зеновіи» влагаетъ въ уста дикаго самодура Аврелиана насмѣшливыя слова надъ тѣмъ,

Кто волю называлъ свободной!

Положимъ, слѣдуетъ остерегаться злоупотребленія подобными формальными упрощеніями; но все-таки можно установить слѣдующее положеніе: понятіе о необходимости особенно ярко запечатлѣно у всѣхъ индо-европейскихъ расъ; съ нимъ сталкиваешься у нихъ во всѣхъ областяхъ; оно указываетъ на высокую, безстрастную силу разума; напротивъ того, понятіе о произволѣ, т. е. о неограниченной власти воли, специфически характерная черта евреевъ: она свидѣтельствуетъ объ ограниченномъ, по сравненію съ волей, интеллектѣ. Здѣсь дѣло идетъ не объ отвлеченныхъ обобщеніяхъ, а о вполнѣ реальныхъ качествахъ, которыя мы и теперь можемъ каждый день наблюдать: въ первомъ случаѣ перевѣшиваетъ мысль, во второмъ — воля.

Приведу кстаті наглядный примѣръ изъ современной жизни. Я знавалъ одного еврея-ученаго, который, убѣдившись, что по его специальности, вслѣдствіе конкуренціи, нельзя хорошо заработать, превратился въ торговца мыломъ и достигъ недурныхъ результатовъ; но когда и здѣсь ему поставила ножку иностранная конкуренція, то онъ, хотя и человѣкъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, сразу ни съ того ни съ сего обернулся въ драматурга и беллетриста и этимъ нажилъ себѣ состояніе. Объ универсальномъ геніи не могло быть и рѣчи въ данномъ случаѣ; дарованія у моего знакомаго были самыя дюжинныя, лишеныя всякой оригинальности; но при помощи силы воли онъ дѣлалъ все, что хотѣлъ.

*

Ненормально-развитая воля у семитовъ можетъ по-
 вести къ двумъ крайностямъ: въ первомъ случаѣ къ
 оцѣненію, какъ у магометанъ, — у которыхъ преобла-
 даетъ мысль о неограниченномъ Божіемъ произволѣ;
 во второмъ случаѣ, какъ у евреевъ, — къ феноменаль-
 ной эластичности, что вызвано представлениемъ о соб-
 ственномъ, человѣческомъ произволѣ. Индо-европейцу
оба пути закрыты. Въ природѣ онъ всюду наблюдаетъ
 закономерность и о себѣ самомъ онъ знаетъ, что мо-
 жетъ создать высшее лишь тогда, когда повинуется
внутренней потребности. Конечно, и его воля можетъ
 подвинуть къ геройскимъ подвигамъ, но опять-таки
 только въ томъ случаѣ, когда его разумъ охваченъ ка-
 кой-нибудь идеей — художественной, религіозной, фило-
 софской или же идеей о завоеваніи, обладаніи, обогаще-
 ніи, даже о преступленіи, — все равно, у него воля только
повинуется, а не повѣдуетъ. Вотъ почему индо-евро-
пейецъ при среднихъ дарованіяхъ такъ удивительно
 безхарактеренъ въ сравненіи съ самымъ бездарнымъ
 евреемъ. Собственными силами мы навѣрно никогда не
 пришли бы къ представленію свободного, всемогущаго
 Бога и, такъ сказать, «произвола Провидѣнія», такого
 Провидѣнія, которое данное дѣло можетъ рѣшить такъ-
 то, а потомъ, подъ вліяніемъ людскихъ молитвъ или
 другихъ побудительныхъ причинъ, перерѣшить вновь
 иначе ¹⁾; мы не видимъ нигдѣ, кромѣ еврейства, идей
о совершенно интимныхъ и постоянныхъ личныхъ
сношеніяхъ между Богомъ и человѣкомъ, идеи о Богѣ,

¹⁾ У индо-европейцевъ боги никогда не являются твор-
 цами міра; въ тѣхъ случаяхъ, когда божество почитается

который, если смѣю такъ выразиться, существуетъ-то какъ будто только ради человѣка. Правда, древніе индоарійскіе боги—благожелательныя, дружественныя, почти добродушныя силы; человѣкъ—ихъ дитя, а не ихъ слуга; онъ безбоязненно приближается къ нимъ; при жертвоприношеніяхъ онъ хватаетъ правую руку бога¹⁾; недостатокъ смиренности по отношенію къ божеству даже приводилъ многихъ въ негодованіе: но все же нигдѣ, какъ уже сказано, мы не встрѣчаемъ представленія о всемогуществѣ въ связи съ произволомъ, и съ этимъ связана поразительная нутаница въ вѣрованіяхъ: поклоняются то однимъ, то другимъ богамъ, или же если на божество смотрятъ какъ на принципъ единства, то одна школа думаетъ объ этомъ такъ, другая иначе (напоминаю о шести большихъ философско-религіозныхъ системахъ Индіи, которыя всѣ шесть считались правобѣрными); мозгъ неудержимо продолжаетъ работать, создавая новые образы, новыя картины: безпредѣльность—его родина, свобода—его стихія, творческая сила—его радость. Прочтите начало религіознаго гимна изъ Ригведы:

Насторожился слухъ, открылись очи,

Зажегся въ сердцѣ свѣтъ живой!

И въ даль влечетъ меня искать божественнаго духа.

Что мнѣ сказать еще? Что мнѣ измыслить?

творцомъ—какъ, на примѣръ, Брама у индійцевъ, это относится къ чисто метафизическому понятію, а не историко-механическому событію, какъ въ книгѣ Бытія; иначе боги возникаютъ по «сю сторону творенія», говорится объ ихъ рожденіи, объ ихъ смерти.

¹⁾ Oleanberg, «Die Religion des Veda», стр. 310.

и сравните его съ первыми стихами любого псалма хотя бы LXXV, 2, 3:

«Вѣдомъ въ Иудеѣ Богъ; у Израиля велико имя Его. И было въ Салимѣ¹⁾ жилище Его и пребываніе Его на Сіонѣ».

Вы видите, какимъ важнымъ элементомъ вѣры является воля. Между тѣмъ какъ сильный разумомъ аріецъ стремится въ даль искать духа Божія, еврей, одаренный силой воли, заставляетъ Бога разъ навсегда разбить шатеръ свой по близости. Сила его воли не только сковала еврею якорь вѣры, она внушила ему также непоколебимую увѣренность въ существованіи личнаго, непосредственно присутствующаго Бога, который властенъ милловать и губить; эта же воля поставила человѣка въ нравственное подчиненіе этому Богу, причемъ Богъ въ своемъ всемогуществѣ издалъ заповѣди, которыя человѣкъ воленъ соблюдать или не соблюдать²⁾).

¹⁾ Салимъ—сокращенное Іерусалимъ.

²⁾ Если бы здѣсь было умѣстно, я охотно взялся бы доказать еще подробнѣе, какъ это еврейское представленіе о всемогущемъ Богѣ, дѣйствующемъ какъ свободное Провидѣніе, непременно обуславливаетъ пониманіе этого Бога въ смыслѣ историческомъ, и какъ противъ этого безпрестанно возстаетъ чисто арійскій разумъ. Такъ, напр., вся трагическая жизнь Абеяра, какъ мыслителя, обусловлена тѣмъ, что онъ, несмотря на горячее стремленіе быть правовѣрнымъ, не можетъ приспособить своего духа къ еврейскому религиозному матеріализму. Напр., онъ постоянно приходитъ къ заключенію, что то, что дѣлаетъ Богъ, Онъ дѣлаетъ въ силу необходимости (причемъ онъ могъ бы сослаться на раннія сочиненія Августина, а именно на его «De libero Arbitrio»). Это духовный антисемитизмъ въ его высшемъ проявленіи! Онъ отрицаетъ также всякое дѣйствіе, вся-

И не хочу упустить еще одно обстоятельство: одно-стороннее преобладание воли дѣлаетъ лѣтописи еврейскаго народа въ общемъ пустыми и непривлекательными; въ этой атмосферѣ возникъ, однако, цѣлый рядъ замѣчательныхъ людей, своеобразное величіе которыхъ ставить ихъ внѣ сравненія съ другими героями духа. «Отрицатели» еврейской природы сами, однако, до такой степени оставались евреями съ ногъ до головы, что болѣе чѣмъ другіе способствовали выработкѣ застыившаго, окаменѣлаго еврейства. Эти люди, ухватившись за религиозный матеріализмъ съ наиболѣе отвлеченной его стороны, поднялись въ нравственномъ отношеніи на очень высокую ступень; дѣятельность ихъ во многихъ пунктахъ исторически подготовила ученіе Христа, по вопросу объ отношеніяхъ между Богомъ и человѣкомъ. Кромѣ того въ нихъ высказалась наиболѣе ясно одна важная черта, вполне и цѣликомъ основанная на духѣ еврейства: историческая религія этого народа придаетъ значеніе не единичной личности, а всей націи въ совокупности; отдѣльная личность можетъ приносить пользу или вредить всей совокупности, въ другомъ же смыслѣ она не важна; отсюда неизбежно вытекаетъ ясно выраженная соціалистическая

кое движеніе Божіе; дѣйствіе Бога есть, по его мнѣнію, осуществленіе вѣчнаго предопредѣленія воли; у Бога нѣтъ дѣленія времени (см. Hausrath: «Peter Abelard»). Приэтомъ исчезаетъ Провидѣніе. Впрочемъ, зачѣмъ искать ученыхъ доводовъ? Благородный Донъ-Кихоть съ трогательной наивностью посягаетъ своему Санхо-Панчѣ: «У Бога нѣтъ ни прошлаго, ни будущаго, одно только настоящее» (книга IX, глава 8). Этимъ самымъ безсмертный Сервантесъ кратко и ясно опредѣляетъ неисторическую точку зрѣнія всѣхъ несемитовъ.

черта, которая часто и резко проявляется у пророковъ. Единичная личность, достигшая счастья и богатства въ то время, какъ братья ея бѣдствуютъ, проклята Богомъ. Хотя Христосъ и проводитъ принципъ какъ разъ противоположный, а именно принципъ крайняго индивидуализма, искупленія каждаго человѣка въ отдѣльности рожденіемъ снова, — однако Его жизнь и Его ученіе безошибочно указываютъ на положеніе, которое можетъ осуществиться только при помощи совокупности народа. Коммунизмъ, выражающійся въ словахъ «одно стадо и одинъ пастырь», конечно иной, чѣмъ теократическій политически-окрашенный коммунизмъ пророковъ: но все-таки основа его исключительно и характерно еврейская.

Что бы ни думали объ этихъ исключительно еврейскихъ представленіяхъ, но никто не станетъ отрицать ихъ величія или способности оказывать на складъ человѣческой жизни громадное, почти неизмѣримое вліяніе. Никто не станетъ отрицать, что вѣра во всемогущество Божіе, въ Провидѣніе Божіе, а также и въ свободу человѣческой воли ¹⁾ и въ почти исключительное значеніе нравственной природы человѣка и ея равенства передъ Богомъ («послѣдніе будутъ первыми») — все это составляетъ основные столпы личности Христа. Въ гораздо большей степени, чѣмъ связь съ пророками, въ гораздо большей степени, чѣмъ уваженіе Христа къ предписаніямъ еврейскихъ законовъ, подають намъ поводъ признать эти основныя воззрѣнія Христа нравственно при-

---

¹⁾ Последнее, повидимому, съ значительными ограниченіями, такъ какъ арійская мысль о помилованіи не разъ ясно выступаетъ у Христа.

надлежащими къ еврейству. И если заглянуть очень глубоко, въ самую основу Христова учения, т.-е. поворота воли, то надо согласиться, что здѣсь мы видимъ нѣчто чисто еврейское, въ противоположность арійскому отрицанію воли. Последнее есть плодъ знанія, чрезмѣрнаго знанія; Христосъ же, напротивъ, обращался къ людямъ, у которыхъ преобладаетъ воля, а не мышленіе; вокругъ Себя онъ видитъ лишь ненасытную, жадную, вѣчно протягивающую обѣ руки еврейскую волю; Онъ признаетъ могущество этой воли и повелѣваетъ ей — не умолкнуть, а принять иное, новое направленіе. Поэтому явленіе Его можетъ быть понято, лишь тогда, если мы научимся понимать и критически относиться къ этимъ специально еврейскимъ воззрѣніямъ которыя Онъ нашелъ вокругъ себя и которыя усвоилъ.

Въ нравственномъ примѣненіи этихъ представленій о всемогуществѣ и провидѣніи Божиемъ, о вытекающихъ изъ нихъ непосредственныхъ отношеній между людьми и Божествомъ и о дѣйствіи свободной человѣческой воли Спаситель уклонялся во всемъ отъ ученій еврейства; это ясно видно всѣмъ и каждому, и я кромѣ того старался это дать почувствовать въ предыдущемъ изложеніи. Сами же представленія, рамки, въ которыя уложилась нравственная личность Христа и изъ которыхъ ее нельзя освободить, безспорное усвоеніе этихъ понятій, касающихся Бога и человѣка и составляющихъ чисто индивидуальное приобрѣтеніе извѣстнаго народа въ теченіе вѣковъ историческаго развитія, — вотъ что есть еврейскаго у Христа. Въ греческомъ искусствѣ и римскомъ правѣ необходимо признать могущество идей, — здѣсь же опять видимъ блистательное под-

твержденіе того же самага. Кто жилъ въ мірѣ еврейской мысли, тотъ не могъ не подчиниться могуществу еврейскихъ идей. И если Христось принесъ міру новую вѣсть, если Его жизнь явилась какъ бы зарей дня, а Его личность была столь высокая и божественная, что открыла намъ существованіе въ душѣ нашей силы, способной переродить человѣка: тѣмъ не менѣе личность Христа, Его жизнь, принесенная Имъ благая вѣсть могли проявляться, дѣйствовать и распространяться только въ тѣхъ рамкахъ, гдѣ онъ жилъ.

Я хотѣлъ попытаться, насколько возможно, отыскать слѣдъ руководящихъ образовательныхъ идей нашего времени; однако эти идеи вѣдь не падаютъ съ неба, а связаны съ прошлымъ; новое вино зачастую вливаютъ въ старые мѣхи, а старое кислое вино, котораго никто не попробовалъ бы, еслибъ узналъ его происхожденіе, наливаютъ въ мѣха новые, съ иголочки; вообще же, надъ такой поздно-рожденной культурой, какъ наша, а вдобавокъ еще во времена страшной спѣшки, когда люди должны учиться слишкомъ многому, чтобы имѣть возможность много мыслить,—царить путаница. Если мы хотимъ привести въ ясность самихъ себя, то мы прежде всего должны ясно понимать основныя мысли и представленія, унаслѣдованныя нами отъ далекихъ предковъ. Эллинское наслѣдіе запутано въ сильной степени, римское—полно странныхъ противорѣчій. И явленіе Христа, стоящее на порогѣ стараго и новаго времени, отнюдь не представляется нашему глазу въ такомъ простомъ обликѣ, чтобы мы легко могли освободить его изъ лабиринта предубѣжденій, лжи и ошибокъ. А между тѣмъ болѣе всего необходимо увидѣть это явленіе какъ можно яснѣе

и ближе къ истинѣ. Мы были бы мало достойны этого, — но наша культура, слава Богу, все еще осѣнена знаменіемъ креста съ Голгофы. Мы видимъ этотъ крестъ, но кто изъ насъ видитъ Распятаго? Однако Онъ, единственно Онъ есть живой родникъ всего христіанства, какъ нетерпимаго догматическаго, такъ и того, что выдаетъ себя за невѣрующаго.

Если въ этомъ могли усумниться, если нашъ вѣкъ питался книгами, въ которыхъ доказывалось, что христіанство возникло нечаянно, случайно, какъ миеологическій припадокъ, какъ «диалектическая антитеза», и еще Богъ вѣсть что, или опять-таки какъ неизбежный продуктъ еврейства и т. п. — все это послужитъ въ позднѣйшія времена краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ ребячества нашего сужденія. Значеніе генія нельзя опѣнить слишкомъ высоко: кто осмѣлится взять на себя вычислить вліяніе Гомера на человѣчскій духъ! А Христосъ былъ еще болѣе великъ. И какъ вѣчный «домашній очагъ» арійцевъ, точно такъ же и свѣтъ истины, возженный Имъ у насъ, никогда уже не потухнетъ. Если даже временами ночная тѣнь омрачить челоуѣчество, достаточно будетъ одного пламеннаго сердца, чтобъ вновь возгорѣлись тысячи и миліоны душъ. Здѣсь же можно и должно спросить вмѣстѣ съ Христомъ: «Итакъ смотри: свѣтъ, который въ тебѣ, не есть ли тьма?» Уже возникновеніе христіанской церкви вводитъ насъ въ глубочайшую тьму, и дальнѣйшая ея исторія производитъ на насъ впечатлѣніе скорѣе блужданія во тьмѣ, чѣмъ яснаго солнечнаго свѣта. Какъ же можемъ мы судить, насколько въ такъ называемомъ духѣ христіанства есть духа самого Христа и насколько въ Немъ заключается

*

примѣсей эллинской, еврейской, египетской, — если мы не научились понимать самое явленіе Христа въ его возвышенной простотѣ? Какъ можемъ мы говорить о христіанскомъ духѣ въ нашихъ нынѣшнихъ исповѣданіяхъ, въ нашихъ литературахъ и искусствахъ, въ нашей философіи и политикѣ, въ нашихъ социальныхъ учрежденіяхъ и идеалахъ? Какъ можемъ мы отдѣлить Христово отъ антихристово и судить—что можно и чего нельзя отнести къ Христу въ вѣяніяхъ нашего времени, или же опредѣлить, насколько духъ этотъ христіанскій.—по формѣ или по содержанію, а главное—сумѣемъ ли мы распознать это столь опасное, специфически-еврейское отъ «хлѣба жизни», если явленіе Христа въ его общихъ очертаніяхъ не будетъ ясно стоять передъ нашими очами и если мы не будемъ въ состояніи отчетливо различать въ этомъ образѣ чисто личное отъ исторически условнаго? Несомнѣнно, это важнѣйшая, необходимѣйшая основа для многихъ сужденій и воззрѣній.

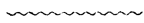

Ж 40

Печатается того же автора: **Появление
евреевъ въ европейской исторіи
и ихъ вліяніе на современную
жизнь.**

Цѣна 50 коп.

19 103ST BR3
03/93 53-005-00

5053 888

